

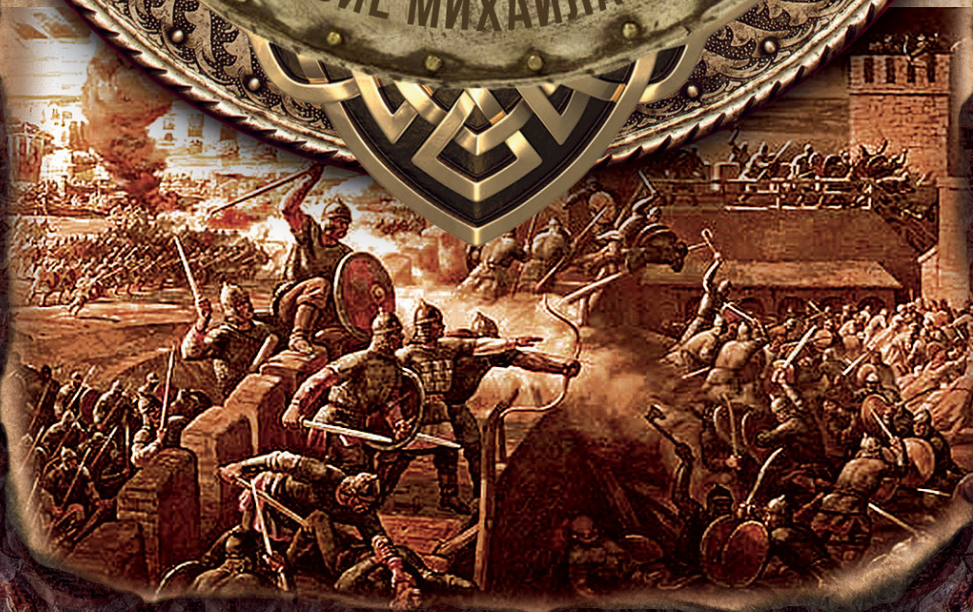

ВАЛЕНТИН И ЮЛИЯ ГНАТЮК

СВЯТОСЛАВ

ВОЗМУЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ МИХАИЛА ЗАДОРНОВА

Святослав

Валентин Гнатюк

Святослав. Возмужание

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гнатюк В. С.

Святослав. Возмужание / В. С. Гнатюк — «Издательство АСТ»,
2014 — (Святослав)

ISBN 978-5-17-982743-6

Роман представляет собой подробное жизнеописание известного киевского князя Святослава Игоревича, широкую панораму событий в Киевской Руси X века накануне крещения её Владимиром, а также взаимоотношения с Византией, Хазарией, Болгарией, другими странами и народами раннего средневековья. В основу положены многие исторические данные, переосмысленные и воспроизведённые авторами с такой бережностью и глубиной, что даёт все основания назвать данное произведение романом-реконструкцией. Книга читается на одном дыхании: правление княгини Ольги, подробности ведического обучения, любви и ратного возмужания Святослава, романтические эпизоды и захватывающие батальные сцены доставят читателям истинное удовольствие. Совершите неповторимое волшебное путешествие в глубины генетической памяти русского народа! Вашему вниманию предлагается три книги, охватывающие события 953-971 гг.: юность и возмужание Святослава; разгром Хазарского Каганата; война в Болгарии.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982743-6

© Гнатюк В. С., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

От авторов	7
Предисловие	9
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	23
Глава третья	31
Глава четвёртая	43
Глава пятая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

В. Гнатюк, Ю. Гнатюк

Святослав. Возмужание

© Гнатюк, В.С., Гнатюк, Ю.В

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От авторов

Дорогой читатель!

Перед тобой открываются страницы романа-трилогии «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» о прославленном многими победами князе средневековой Руси Святославе Игоревиче.

Получилось так, что данная трилогия была написана раньше, чем романы о его отце Игоре, деде Рюрике и Олеге Вещем. Именно этот энергетически концентрированный образ Святослава Хороброго призвал извлечь из глубин исторической памяти его великих предков.

Прежде чем писать данную книгу, мы прошли стопами Святослава по гостеприимной и прекрасной болгарской земле, посетили заветные места, побеседовали с хранителями памяти – историками и учёными. Следует сказать, что Болгария помнит Святослава, и мы получили некоторые важные сведения о его пребывании в Великой Преславе. На основании реального святилища бога Загрея произведена реконструкция священного обряда.

Конечно, мы опирались на труды древних и современных летописцев: Геродота, Страбона, Плиния Старшего, свидетельства императора Константина VII Багрянородного и византийского хрониста Льва Диакона, хроники Иоанна Скилицы, записи арабского путешественника Ибн-Хаукаля и арабского историка Яхьи Антиохийского, на ПВЛ (сохранившую тексты византийско-русских договоров), труды Б.А. Рыбакова, замечательную работу А. Сахарова «Дипломатия Святослава».

В романе приведены подлинные исторические свидетельства, – письма-послания князя Святослава и императора Иоанна Цимисхия друг к другу накануне Болгарской войны 970 года, надпись митрополита Милитинского Иоанна на гробнице Никифора Фоки, надпись на Добруджанском камне, предположительно оставленная князем Игорем в Болгарии в 943 году, которая считается памятником древнейшей кириллической (русской) письменности.

Традиция использовать древние летописи, порой изменяя их и дополняя новыми сведениями, известна с незапамятных времён. Тот же Лев Диакон пользовался историческими трудами прошлого, испытал влияние, например, Агафия Миринейского, но, подобно другим византийским авторам, переосмысливая античность в духе христианства и превнося в неё цитаты из Ветхого и Нового Заветов.

Поэтому сцена встречи князя Святослава и императора Цимисхия описана им в привычных византийских традициях возвеличивания императора: на коне, в золотых доспехах, в окружении блистающей свиты, он снисходит к просьбе предводителя варваров, который, отличаясь от прочих только чистотой рубахи, сидит в лодке, к тому же сам гребёт вёслами.

Наша версия встречи иная, основанная на других источниках, а также принципах обеспечения безопасности князя в подобных условиях, учитывая особенности характера такой личности, как Иоанн Цимисхий.

Мы прослеживаем короткую, но яркую, как вспышка перуновой молнии, жизнь князя с его отрочества до гибели. Гибели загадочной и неоднозначной, впрочем, как и его предшественников – Игоря и Олега Вещего. Неизвестно ни само место трагедии, ни его непосредственные организаторы. Странна и зимовка дружины князя в Белобережье, где они страдали от голода и «платили по полгривны серебром за конскую голову». Неужели дружина Святослава не могла, подобно Свенельду, уйти в Киев через степи либо, чего проще, вернуться на свою морскую базу в Керчи? К слову, ни Лев Диакон, ни иные историки не говорят о зимовке Святослава в Белобережье. Эту версию излагает только ПВЛ.

Однако известен иной факт – смерть некоего предводителя руссов в Бердаа в 944 году, когда русы полгода (или целый год) были окружены в крепости и страдали от болезней и голода.

Именно там, будучи в полной изоляции, они «платили по полгравны серебром за конскую голову».

Не мудрствуя лукаво, монахи-переписчики перенесли данное событие во времена Святослава. Подобным же образом факты крещения Руси Аскольдом при патриархе Фотии и византийском императоре Василии Македоняnine были перенесены во времена князя Владимира (спустя сто лет!), даже без изменения имён патриарха и императора, что породило неразрешимую загадку среди современных историков и исследователей.

Русские летописи сравнивают Святослава с «пардусом», то есть гепардом, самым быстрым сухопутным хищником. Именно таковы были стремительные и чаще всего неотвратимые атаки железного Святославова воинства, спаянного отменной выучкой, слаженностью действий, отвагой и преданностью родной земле.

Противники, те же византийцы, именовали Святослава «воскресшим Ахиллом».

Наиболее ёмкая характеристика, на наш взгляд, дана Б.А. Рыбаковым в его книге «Рождение Руси»: «Подводя итоги короткому, но блистательному княжению Святослава, мы видим, что он вовсе не был «безрассудным авантюристом», бродившим где попало по степям. Его волжско-хазарский поход был жизненно важен для молодого государства Руси, а его действия на Дунае и за Балканами были проявлением дружбы и солидарности с народом Болгарии, которому Святослав помогал отстаивать и свою столицу, и своего Царя, и политическую самостоятельность от посягательств Византии. Поражение Святослава было концом суверенной Болгарии, возродившейся только два столетия спустя.

По отношению к Руси вся стремительная деятельность Святослава не только не была невниманием к её интересам или неосознанным стремлением «охабить», пренебречь ею, но, наоборот, всё было рассчитано на решение больших государственных задач, требовавших напряжения всех сил. Важнейшая задача, состоявшая в обеспечении безопасности со стороны Хазарского каганата, была решена вполне успешно. Вторая задача – создание мирного торгового плацдарма на западном побережье Русского моря (в содружестве с Болгарией) – выполнена не была, так как здесь Руси противостояли две значительные силы: Византия и Печенегия, раскинувшаяся по степям на «месяц конного пути».

Описываемый нами период невозможно понять и ощутить без объёмного видения, без той религиозно-философской основы, которая давала пращурам силы отстаивать свою независимость и торгово-дипломатическими путями, и в военных сражениях с многочисленными противниками.

И здесь нам посчастливилось работать с источниками больше духовного плана, многие из которых являются уникальными.

Есть такое древнее слово – «волшба», когда воедино сливаются знания и ощущения времени, когда вызванные из нави образы становятся зримыми и возникает непередаваемое чувство сопричастности, от которых пробуждается мысль и дрожит душа.

Итак, читатель, тебе выпала редкая удача стать соратником великого князя Святослава, пройти увлекательный курс славянского ведизма, ратного дела, альтернативной истории, получить некоторые сведения о вере и обычаях предков, прикоснуться к тайнам древних мистерий.

В добрый путь по тропам своей исторической и генетической памяти!

Валентин и Юлия Гнатюк

Предисловие

После того как я прочитал этот роман, первая мысль, которая пришла на ум: надо бы в центре России, в Москве или в Питере, поставить достойный памятник этому верному служителю нашего Рода.

Память о Святославе сознательно уничтожалась на протяжении столетий. Дошло до того, что на известнейшем памятнике Тысячелетию России нет ни Святослава, ни Олега Вещего. Хорошо, хоть Рюрик есть. А ведь это родной дед Святослава из рода Гостомысла.

Зачем уничтожалась ранняя история Руси, мы все прекрасно понимаем. Рюрик, Олег, Игорь, Святослав – все они очень неудобные и не вписывающиеся в западную историю, в которой Руси и позже России отводилось место зависимой, не способной на самостоятельное развитие, варварской страны.

Конечно, эта книга может вызвать скандал в научной, а точнее говоря, в псевдонаучной среде. Ведь почти все древние летописи, дошедшие до наших дней, – это списки, сделанные нашими хроникёрами, в которых реальная история перевернута в угоду византийскому христианству. Валентин и Юлия Гнатюк создали в своей книге очень честный и правильный образ Святослава, как настоящего патриота и мудрого правителя, объединившего славян.

Я очень советую всем прочитать эту замечательную трилогию и наконец понять, какой бедой для Руси в своё время оказался Хазарский каганат, которым фактически уже тогда правили иудеи. Бесстрашная, независимая, сильная Русь вызывала зависть и бессильную злобу у правителей наших соседей, уже прогнутых под торгашей. Многие славянские народы обязаны Святославу жизнью и свободой. Именно Олег, Игорь и Святослав заставили Византию уважать Русь. А ведь Византия того времени – это, говоря современным языком, сверхдержава, оплот цивилизации и демократии.

История развивается по спирали. На очередном витке события повторяются. Меняются декорации, но суть остаётся та же. Нужно ли говорить о том, как важно нам сегодня иметь правильную, неотформатированную память о своих великих предках?

Юлия и Валентин Гнатюк написали несколько интереснейших книг об истории Руси. Роман-трилогия «Святослав» – прекрасное продолжение этой большой работы. Благодаря тщательному подходу к историческим фактам, образному мышлению и уважению к нашему глубокому прошлому писателям удалось буквально проникнуть в эпоху Древней Руси и пройти по следам легендарного князя. Я считаю, что это лучший исторический роман о князе Святославе.

Описание природы, живые картины быта, ратного обучения и праздников дают ощущение полного присутствия в тот исторический период и сопричастности происходящему, и эта магия не отпускает до самого конца книги.

Трилогия «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» – прекрасный подарок читателю, любящему нашу историю, в которой сокрыты многие ключи и нынешнего, и грядущего!

Уверен, после прочтения вам захочется вернуться к более раннему периоду нашей истории и узнать о том, как начиналась Великая Русь при князе Рюрике. Свою версию о Рюрике и его братьях мы изложили совместно с авторами в книге «Рюрик. Полёт Сокола». Будут и другие книги о том времени. Сейчас работаем над книгой об Олеге Вещем. Необходимо восстановить память. У кого нет прошлого – нет и будущего.

Михаил Задорнов

Часть первая Русский пардус

Глава первая Приход Великого Яра

Лета 6461(953), Киев.

Зима, студёная и снежная, всё не хотела уходить. И хотя слабело её холодное дыхание, ещё крепко держала в своих ледяных объятиях Непру-реку, и повсюду на полях лежало нетронутое белое покрывало.¹

Но вот сквозь морозную мглу с небесного свода выглянул Хорс, разогнал тучи и направил свой золотой воз по синей сварге в неизменный путь с восхода на закат.

Жаркие огнебожьи стрелы устремились к земле, рассыпались серебряными искрами по сугробам в полях и озарили стольный град Киев, стоящий на холмах у самой реки.

Заиграли весёлые лучи Хорса на заиндедевших, остро затёсанных брёвнах городской частокольной стены, на резных карнизах и коньках княжеского терема, заискрились в ледяных сосульках, свисающих с крыш гостевых дворов, домов темников, тысяцких и бояр, что раскинулись в самом центре, а также строений простых горожан на окраинах.

Заблестали лучи на обледенелых бородах и усах деревянных богов на Перуновой горе, скользнули по золотому кресту Ильинской церквушки, в которой служили христианские попы. Побежали-поскакали вниз, к Подолу, через крыши рукомысленников – медников, кузнецов, гончаров, кожевников и прочего мастерового люда, и далее – к самому берегу, через большое Ратное поле – место сбора киевской дружины.²

Всё выше поднимался Хорс, сильнее раскалялись его лучи, и всё чаще стали звенеть первые капли оттепели. Вскоре потекли ручейки, а потом и бурные потоки побежали, торопясь, по киевским улицам к Непре. Белый снег стал серым и рыхлым, разбрызгиваясь жидкой кашей под ногами.

И не выдержал незаметно подточенный вешними водами лёд на реке – раздулся и лопнул её ледяной панцирь, как скорлупа прорастающего семени. Затрещали, тяжело заворочались огромные льдины-крыжины, ломая и круша друг друга, сбиваясь в кучи, подобно неразумным овнам, мешая прибывающей воде. Непра, а вместе с ней Почайна, не вмещающаяся в русло, стали выходить из берегов, заливая Подол, Зелёный Яр и Житное Торжище. Разбушевавшаяся река выбрасывала там и сям на берег вместе со льдинами и мусором живых рыб.

Как чаще всего бывает, большая вода пришла ночью, когда уставший от дневных трудов подольский люд крепко спал.

Жена кузнеца по прозвищу Молотило, её все так и называли – Молотилиха, пробудилась от громкого собачьего визга, временами переходящего в вой. Что там стряслось? Полусонная, она осторожно, чтобы не потревожить спящих дочь и мужа, опустила босые ноги с печи, и... невольно вскрикнула, когда кто-то холодными как лёд перстами схватил её за босые ступни.

¹ Днепр (древнеславянск.).

² ремесленников (древнеславянск.).

Она вмиг лишилась остатка сна, но ещё не сразу уразумела, что это не кто-то, а вода. Когда же поняла, то затрясла за плечо мужа:

– Проснись, скорее, Стоян, беда! Да просыпайся, наконец, Почайна уже в хате, а тебе хоть гром греми! – Сама тут же босая, простоволосая, пробежала по обжигающе холодной воде к двери, отыскала на ощупь сапоги, накинула кожух и кинулась собирать на скорую руку, что попадется, натыкаясь в темноте на лавы и углы стола.

– Что стряслось, Ганна, чего мечешься? – сонно проворчал кузнец, потирая лик тяжёлой дланью. Но как только ноги его вместо соломенной подстилки оказались в ледяной воде, он сам задвигался неожиданно проворно для его высокой сутулой фигуры. Молотило первым делом схватил с припечка несколько сушившихся там лучин, разгрёб голой рукой остатки пепла в печи, найдя несколько красноватых угольков, раздул их сильным своим дыханием и зажёл лучины. Опустил их в горшок, стоявший в глиняной миске с водой, а от одной зажёл стоявшую посреди крепкого стола плоску – её кузнец сработал из узорчатой меди тогда ещё, когда родилась дочь. Плоска была сделана так, чтобы свет падал только на одну сторону, а если надо было выйти на улицу, то и вовсе прикрывалась колпачком, что не давало огню погаснуть даже на сильном ветру.

Во дворе послышались шум, голоса, визг пса усилился, а потом разом оборвался. Раздался громкий требовательный стук в дверь. Молотилиха, схватив лучину, выскочила в сени, отворила засов. Дверь распахнулась, и в горницу ввалились возбуждённые, с детьми и узлами, мокрые по пояс соседи, жилище которых стояло чуть ниже дома кузнеца.

– Всё, брат Молотило, проспали мы половодье! У нас вода уж выше пояса в горнице, мосток через овраг снесло, а в нём бурлит и клокочет, что в водовороте каком, с детьми не пройдем! – молвил седовласый златокузнец. – Твой дом на бугре, потому принимай!

– Берите плоску и лезьте наверх, живей! – скомандовал Молотило, подхватывая одной рукой дочь с тёплого ложа, а другой узел, что успела собрать жена. Разгоняя ногами воду, все поспешили в сени, откуда крепкая, поскрипывающая под тяжестью людей с поклажей лестница вела под крышу, где испуганно кудахтали потревоженные куры. Женщины и дети первыми взобрались на горище. Кузнец бережно передал сонно протирающую глаза девочку жене, а сам бросился во двор, открыл ворота хлева и едва успел поймать выплывающего оттуда поросёнка. Схватил перепуганную животину попарно за передние и задние ноги, легко взвалил на шею и понёс в сени, ловко поднявшись по лестнице, бросил на солому.

– А где пёс, неужто унесло беднягу?

– Здесь он, у дыма обсыхает, – ответил кто-то из внуков златокузнеца. – Мы его с цепи отпустили, как только к вам зашли.

Молотило помешкал мгновение и соскочил с лестницы в ледяную воду.

– Куда ты опять? – испугано воскликнула жена, но кузнец только молча махнул рукой. Через некоторое время он снова появился в широком проёме лаза с телушкой на плечах. Златокузнец со старшими сыновьями кинулись помогать соседу, потому что телушка вместе с кузнецом застряли в лазе – и ни туда, ни сюда. После долгой возни перепуганное животное всё-таки удалось втащить наверх. Мужчины тяжело дышали. А внизу буйствовала полая вода, смытая могучими струями всё, что попадалось на пути, и было ей под силу сломать, унести, разрушить. Где-то у самой двери раздался сильный скрежет и удар, от которого бревенчатый дом весь содрогнулся. Дети со страхом прильнули к матерям, мужчины тревожно переглянулись.

– Большая крыга, видно, к нам стучится, только мы её не пустим, сруб у нас крепкий, а основа каменная, мой отец ещё ставил, – стараясь успокоить прильнувших друг к другу мокрых испуганных детей и женщин, промолвил Молотило. А про себя подумал, что ежели поднимется вода выше, то и впрямь может сдвинуть сруб, тем более что хлев, по всему, уже разбилось, раз огромные льдины стучатся в стену дома.

Глухой скрежет и удары о стену повторялись, будто кто-то огромный и злой пытался разломать крепкий сруб, разнести его по брёвнышкам и завертеть, поглотить в жутком кашиве из воды, льда, обломков брёвен и домашнего скарба.

– Тату, а если водица до нас дойдёт, тогда на крышу полезем, да? – спросила шестилетняя дочь кузнеца, приглаживая его непокорные чёрные кудри.

– Не поднимется, Овсенушка, не поднимется, погуляет малость, водица внешняя, как твой татко в праздник, да и успокоится, – отвечал кузнец, пряча детские ручонки в своих огромных мозолистых, со следами многих ожогов ручищах.

– Если вода будет гулять, как твой татко, доченька, то не скоро мы отсюда спустимся, – не преминула съязвить Молотилиха.

Озябшие взрослые, согреваясь, зарылись в солому, а дети с превеликим любопытством и страхом следили через проём, как гуляла по Подолу внешняя, будто захмелевшая от весны вода.

В ту ночь многие испуганные подольяне взобрались на крыши своих домов и сидели там, взывая о помощи. Бурная вода несла мимо всякий хлам, доски, солому, а иногда мёртвых кур, овец и свиней.

Семья кузнеца Молотило с соседями провели так остаток ночи и почти весь следующий день. Только к вечеру на их дружные громкие крики подплыла одна из лодий, что по приказу княгини Ольги собирала людей. Одни дружинники налегали на вёсла, а другие расталкивали баграми с железными оконечниками льдины, которые хоть и не были уже такими грозными и буйными, как ночью, но всё ж препятствовали плаванию, да и запросто могли, ежели прозевают дружинники, борт лодии пропороть. Вначале в лодию спрыгнули два старших сына златокузнеца и помогли воинам принять детей и женщин. Молотило со златокузнецом Ермилой вошли последними. Пёс, поскуливая, глядел такими жалобными очами, что Овсена упростила взять его с собой.

Оказалось, что река Глубочица, Боричев поток и прочие притоки и ручейки так разлились, что вода дошла до самой Перуновой горы. Семьи Молотило и Ермилы, выйдя из спасшей их лодии, присоединились к другим беженцам, которые сидели на сухих улицах с узлами и пожитками, не зная, радоваться ли тому, что остались живы, или печалиться по залитым половодьем домам и амбарам. Плакали перепуганные дети, тяжело вздыхали старцы, на одном из тюков кричала роженица.

Воины княжеской дружины ходили меж пострадавших, раздавая им еду и питьё, разводили костры, чтобы люди могли согреться, обсушиться и приготовить горячее варево.

Все усердно молили богов, чтоб утихомирилась река, не поднимались выше её бурные воды, не чинили разорения.

Три дня и три ночи гуляла Непра, играя потоками, размывала и уносила всё, что попало на пути. Потом стала утихать и помалу возвращаться в берега.

Вслед за спадающей водой солнечные лучи быстро подсушивали улицы. Киевляне возвращались в свои дворы, сокрушались урону, причинённому рекой, горевали. Ещё бы не горевать, коли многие лишились жилья, потеряли скот, остались без припасов. Глиняные мазанки, попавшие под затопление, почти полностью размокли и развалились, обнажив отдельные рёбра жердей. Хлева да загоны были порушены, дворы и огороды перемешаны с песком, илом, мусором. Не всем удалось пережить нашествие воды, собрала она и жертву человеческую – одиннадцать подольян утопили. Печалились люди разорению великому, родичей да соседей погибших оплакивали. Потом засучивали рукава и принимались отстраивать, подправлять, просушивать всё, что пострадало от половодья.

– Княгиня Ольга, пошли ей Сварог многие лета, велела дать из княжеских запасов крупы, муки и соли, – пояснил Подольский Тиун собравшимся по его зову уличным старейшинам, – распределите, чтоб никто обижен не был, особенно те, у кого ничего не осталось.

Вода отошла, и Молотило с женой и дочерью вернулись по скользкой дороге, ещё кое-где залитой большими и малыми лужами, к своему двору. Пёс Волчок, действительно окрасом похожий на волка, бежал впереди. Их встретили полуоткрытые ворота с одной разломанной створкой. Там и сям на улице понанесло целые горы ила вперемешку с песком, обломками досок и брёвен, которые оставила после разгула вешняя вода. Войдя во двор, ужаснулись ещё более – от добротной кузни осталось менее десятка венцов, остальные вместе с крышей и воротами унесло бурным потоком. Повсюду – кучи мусора и разного, неведь откуда принесённого хлама, охапки мокрого сена и соломы, какие-то бочонки и поломанные корзины. А среди всего этого разора важно выхаживали и плескались в лужах довольные гуси. Громко переговариваясь на своём гусином языке, они как ни в чём не бывало щипали обнажившуюся прошлогоднюю траву и старательно выискивали в лужах остатки рыбы, зерна и ещё чего-то только им известного. Волчок вдруг зло зарычал и, вздыбив шерсть на загривке, бросился с громким лаем к завалу брёвен, громоздившихся на месте курятника. Оттуда, опасливо озираясь на людей, выскочила лиса с мокрым трупом курицы в зубах и рыжей молнией метнулась прочь. Волчок кинулся за ней, но лиса ускользнула сквозь промоину под наклонившимся бревенчатым забором.

– Смотрите, – закричала Овсена, – а вон наша Ночка с поросёнком на горище, радуются, что мы вернулись! – Дочь кузнеца весело всплеснула руками и громко рассмеялась. Поросянок с телушкой меж тем в два голоса непрерывно голосили с чердака.

– Так, у вас тут уже веселье, добре! – послышался сзади голос соседа-плотника. – И урон невелик, у нас вон, по самую крышу... Ну, ничего, живы все, и то слава богам! Соберёмся миром да восстановим всё, не первая весна на нашем веку. Вот у кого беда, так это у перевозчика, – голос его стал скорбным, – всю семью вода забрала – и жену, и двоих детей, один он теперь, чёрный от лиха, как головешка после пожара. Беда!

А через две-три седмицы высохла земля, зазеленели луга за Непрой, расцвела верба, и стали сглаживаться несчастья, как рана на молодой коже. Киевляне проводили Крышня, хлеща друг друга гибкими вербовыми прутьями по спинам, рукам и плечам так, что у некоторых даже выступали слёзы. Но это было необходимо для того, чтобы ярая сила скорее возгорелась в человеке, чтоб от обжигающих ударов здоровело тело и прочь уходили немощь, болезни и зимний застой крови в жилах.

Затем стали готовиться к празднованию Великого Яра. Приводили в порядок жилища и подворья, всё скребли и чистили. Повсюду слышался детский щебет – дети, они ведь, как птицы, радуются весне. Запели горластые петухи, закудахтали куры, заготовали на подворьях гуси, заблеяли овны.

Русский Стан тоже готовился к празднику. Воины чисто вымели Дружинную площадь, чинили конскую упряжь, особо тщательно чистили и мыли коней, тёрли их скребницами до блеска, мазали копыта смолой. Потом брались за оружие и доспехи – начищали шеломы, нагрудные пластины и каждую самую малую бляху, дабы они сияли, подобно солнцу. Мечи тёрли золой с песком и мазали греческим елеем от ржавчины.

А Хорс ехал средь белых облаков, и златогривые кони вздымали его одноколый воз с каждым днём всё выше и выше.

Пришёл Яро-бог на землю русскую!

Ещё до восхода солнца, едва только начало светать, над Киевом поплыл серебристый звон била, которым кудесники возвещали начало празднования.

Кияне, неся в уздах еду-питьё и гоня перед собой белых козочек, молодых овнов и ярок, украшенных цветами и лентами, поспешали к Перуновой горе. На самой вершине её находилась большая, выложенная камнем с глиной площадка, вокруг которой на каменных фундаментах стояли деревянные боги. Прямо напротив входа находился особо почитаемый кумир Перуна-Громовержца, который держал в деснице железную молнию, а в шуйце – серебряный

рог для хмельного мёда-сурицы, чтобы разить врагов огненным мечом-молнией, а погибших героев наделять питьём вечной жизни из рога Славы. Напротив Перуна стоял Велес – хранитель небесных и земных стад, приумножитель добра, бог царства Нави, покровитель певцов и боянов, источник мудрости. Далее – Дажьбог, податель всяческих благ, чьё животворящее дыхание пронизывает всё сущее; Хорс-Солнцеводитель; Стрибог – повелитель ветров. Стояли здесь также кумиры Макоши, Яра и Ладобога. В центре площадки возвышался круглый жертвенник с четырьмя выступами – соответственно сторонам света – и горел Неугасимый Вечный огонь, поддерживаемый жрецами.

Семья кузнеца Молотило, наряженная в праздничные одежды, вместе со всеми двигалась к Перуновой горе. Ганна, сжав тонкие губы, гордо шла рядом со своим могучим супругом, которого знал и уважал весь Подол, да, пожалуй, и весь Киев-град. Голубые очи её сияли, будто озаряя каким-то внутренним светом красивое лицо с белой матовой кожей. Медно-золотистые волосы, заплетенные по-женски в две косы, туго закрученные спиралями на голове, были покрыты праздничной кичкой с подвешенными к ней бронзовыми лунницами-подвесками, что покачивались в такт шагам красавицы. Плотные округлые плечи и грудь мягко облегла тонкая блуза, изукрашенная ромбовидной вышивкой – знаками земли – на предплечьях и длинных рукавах, схваченных на запястьях медными браслетами той же тонкой работы, что и подвески с лунницами. Темная шерстяная понёва, надетая поверх нижней льняной, состояла из двух половин, а передник был расшит красными мальвами, на которых сидела птица. На поясе из мягкой красной замши позвякивали обереги. На ногах удобно сидели узконосые чоботки. Утром было ещё прохладно, поэтому Ганна с Овсеной надели поверх сорочек вязанные из овечьей шерсти безрукавки. Сам кузнец тоже в белой рубашке-вышиванке и портах, заправленных в сапоги, для пущей красоты привесил к поясу собственноручно сработанный кинжал в ножнах. В шуйце он нёс увесистый узел, а десницей держал конопляную вервь, другой конец которой был привязан за заднюю ногу поросёнка. Овсена, в новых кожаных постолках и длинной расшитой по рукавам и низу сорочке, с бусами из раскрашенных раковин и камешков, по-детски живо воспринимая всеобщее настроение, весело щебетала, задавая родителям бесчисленные «почему». Она то забегала чуть вперёд, то отставала, увлечённая разглядыванием того, кто было ей чем-то интересен в веренице идущих.

– Тату, а поросёнок наш тоже на праздник хочет поглядеть, да? – вопрошала она, подскакивая на одной ноге, прищурив правое око, чуть наклонив голову и глядя на отца снизу вверх. При этом её косичка, туго заплетённая из медно-золотистых, как у матери, волос, и перевитая цветными лентами, задорно подпрыгивала.

– Гляди, Стоян, вон и перевозчик с внуком идёт, – указала мужу Молотилиха на лысого чуть сгорбленного мужа, рядом с которым, держа в руках корзину, вышагивал отрок лет десяти с хитровато прищуренными озорными глазами, тут же показавший Овсене язык. – Говорят, так обрадовался, что внук нашёлся, аж не пьянствовал целую седмицу, да сейчас, наверное, снова взялся. Личина-то вон какая пухшая, и у тебя такая же скоро будет, ежели гулять по праздникам допьяна не перестанешь.

– Перестань, Ганна, не стыдно меня в пьяницы записывать? Руки мои видишь? – Он так энергично протянул жене свои руки, что поросёнок, накануне чисто вымытый, от рывка верёвки за заднюю ногу вмиг растянулся на дороге и возмущённо завизжал. – Я ж вот этими руками допоздна железо в кузне ворочаю, ночи порой не сплю, а ты меня укоряешь, если разок в праздник погуляю от души!

– Тато не пьяница, – горячо вступилась за родителя Овсена, – он меня любит, птичку сковал, ни у кого такой нет. – Малышка взяла в ручку медную птичку, висевшую на шнурке, а потом добавила: – Тебя, мамо, он тоже любит, а ты его ругаешь!

Лишь только первые лучи Хорса заалели на востоке, запели-задудели трубы, зазвенели кимвалы и дробно зарокотали бубны на Перуновой горе, приветствуя рождение праздничного дня.

Сам Верховный Кудесник – Великий Могун – велел помощникам класть побольше дубовых дров в Священное огнище, плававшее перед кумирами, дабы пламя было высоким и жарким. Затем обратился к богам, и в особенности к богу Яру с молитвой, в которой просил дать земле русской силу, чтобы она рождала в изобилии жито, просо, сочные травы, плоды-овощи и цветы, чтобы жёны не ведали бесплодия, приумножались скот, птица, всякая домашняя и дикая живность.

Великому Могуну было семьдесят восемь лет, однако он отличался крепкой статью, зорким глазом, силой в мышцах и громким указующим гласом, потому что общался в основном только с богами.

Принимая назначенных в жертву годовалых агнцев, он брал их, умерщвлял опытной рукой и расчленил на жертвеннике ритуальным топором на определённое количество частей, бросал одну часть в Священный огонь и ревностно следил за движением дыма и пламени, чтобы увидеть, угодна ли эта жертва богам.

Жертвенник был сложен из диких камней, но в основе его находился особый камень – небесный посланец, который когда-то нашли в степи, ещё полыхавшего огненным жаром. Это был камень, как пояснили кудесники, из горнила Перуновой кузницы, где Громовержец ковал свои небесные мечи-кладенцы. На специально сделанной телеге, запряжённой шестью лошадьми, его привезли в Киев и положили на холме, откуда и пошло Мольбище.

Нынче на праздник Яра со всех сторон в стольный Киев-град стекались жители окраинных весей, огнищане и рыбаки, лесорубы, бортники, охотники и пастухи. Среде весёлой вереницы празднично одетого люда со стороны Берестянской пуши шли двое – муж и отрок. Муж был небольшого роста, с округлым добрым лицом в обрамлении белых волос и бороды. Простая домотканая рубаха с особенной вышивкой; порты, заправленные в кожаные постолы, затянутые сыромятными ремнями; резной посох; глаза, как-то по-особому глядящие куда-то в нескончаемую даль, да древний медный знак солнца и звёзд на груди говорили о его волховском звании. Подле него шёл одетый почти так же отрок лет двенадцати, с тонким станом и длинными – до плеч – русыми волосами. Серебряный звон била доносился сюда едва слышно.

– Отче Хорсослав, далече ещё идти? – встревоженно спросил отрок.

– Да уж не поспеваем, Степко. В языке звёздном да солнечном разбираемся, а вот полове в лесных речушках не в полной мере учли, обходить – о-го-го! – сколько пришлось, вот и припозднились к началу праздника. Давай-ка ходу прибавим, наши свитки Великому Могуну непременно нынче отдать нужно, пока все кудесники в Киеве.

Они зашагали быстрее, обгоняя празднично одетый люд и отвечая на приветствия и поклоны.

Достигнув Перуновой горы, Молотило отвязал от ноги поросёнка вервь, сгрёб своими железными руками вдруг затихшее животное и один понёс на Капище, где стояла уже очередь из десятка киевлян с овнами и ягнятами, украшенными цветами и лентами.

– Мамо, а зачем тато поросёнка забрал? – вдруг забеспокоилась маленькая дочь кузнеца.

– Потому, доченька, что сегодня праздник, и все едят праздничную еду – и люди, и боги. Вот из нашего поросёнка и из тех овнов, телят да козочек будет праздничная еда. – Она ещё что-то хотела добавить, но увидела, что из очей девочки брызнули слёзы.

– Я не хочу! Не надо его убивать, поросёнок хороший! Я его люблю! – крикнула Овсена, порываясь бежать вслед за отцом.

Молотлиха, удержав её, привлекла к себе и, глядя по голове, стала говорить:

– Ну, что ты, глупенькая! Ведь животных для того и выращивают, чтобы у людей было мясо и шкуры. А здесь есть люди, которым нечего кушать. У многих разрушены дома, погибли

родные. И каждый отдаёт то, что имеет, чтобы все могли в этот день быть сытыми и радостными. И дают жертву богам нашим, которые помогают, чтобы овнов, свиней и зерна всякого уродило в этом году в достатке и люди были богаты и счастливы. Не можем же мы предложить богам что-то захудалое и ненужное. Мы отдаём самого лучшего, чтобы у нас потом было много таких поросят...

Всхлипывающая Овсена чуть притихла. Потом подняла на мать глаза и, размазывая кулачками слёзы, спросила:

- Правда, у нас будет много таких поросят?
- Правда, доченька.
- Точно-точно таких?
- Точно-точно, вот увидишь, – улыбнулась Молотилиха.

В это время подоспевшие Хорсослав и Степко остановились у подножия Перуновой горы, чтобы перевести дух.

Степко, увидев плачущую девочку, подошёл к ней. А Хорсослав направился к жрецам у Капища.

– Что за чудо-птица у тебя, я такой не видывал! – указал Степко на свистульку, висевшую у Овсены на шее.

Девочка перестала всхлипывать и посмотрела на незнакомого отрока. Увидев, что он приветливый и незлобивый, ответила:

- Эта птичка поёт.
- Правда? А покажи!

Овсена взяла птичку и дунула, но свиста не вышло.

– А можно я попробую? – попросил Степко. С позволения девочки он взял свистульку и дунул в неё. Раздалось щебетание, похожее на соловьиное.

- Тато внутрь горошинку положил, – похвасталась девочка.
- А кто твой тато?

– Кузнец. Он всё умеет делать. Маме вот ключики сделал, ложечку и тоже птичку, – Овсена стала перебирать висевшие на поясе Молотилихи обереги.

Молотилиха между тем развязала узел, достала крашенное луковой шелухой коричневое яйцо и протянула дочери:

- Овсенушка, угости отрока, поздравь со святом!
- Со святом! – сказала Овсена, протягивая яйцо.
- Дякую красно! – поклонился отрок. – И вас с Великим Яром! Будьте здоровы и счастливы!

Принеся жертву богам, Великий Могун передавал остальное служителям, которые несли мясо в огромные котлы, что стояли за пределами капища. Там мясо варилось и жарилось на многочисленных кострах и раздавалось частью тому, кто приносил жертву, чтобы он мог оделить священной снедью домашних на праздничной трапезе. Остальное шло убогим, сиротам и немощным людям. Младшие служители при кудесниках – юноши, которые обучались волховству, – складывали пожертвования в плетёные корзины и разносили нуждающимся.

Девушки в белых одеждах с пением возлагали к подножиям богов первые весенние цветы и зелёные ветки-клевевы.

– Приняли боги киевские ваши жертвы! – провозгласил Великий Могун. – Идите, люди, веселитесь, радуйтесь новому приходу Яро-бога! Начните нынешнюю трапезу с яйца красного, что есть знак рождения мира и новой жизни; со священной сурьи, которую отцы наши почитали; с печёного агнца, дабы в стадах ваших прибавилось всякого скота, и с житного хлеба, чтобы поля уродили щедрым житом, ячменём, просом и прочими злаками!

Люди поздравляли друг друга, целуясь и обмениваясь красными яйцами.

Затем отправились веселиться, есть-пить, гулять на площадях, где играли на гусях бояны-песенники, а девушки на зелёных лужках водили весёлые хороводы.

Весенний дух лазоревой дымкой витал над Киевом и Непрой-рекой. А Непра текла, тихо плескалась и звенела волной, будто хотела рассказать, как она любит свой град Киев, и обнимала его руками тонких струй, и лобзала волнами берега.

А Хорс сиял на Перунову гору, на гридни и торжища, на дома людей, пьяных весельем и внешней блажью, ибо настал великий день Яробогов!

И вся земля славянская радовалась и содрогалась до самых недр, как жена, ожидающая ласки мужа. Обнимал Яро-бог землю, целовал её упругими ветрами и, как Сварожий Бык, оплодотворял серебряными дождями. Вздыхала земля, разомлев от ласки, и пробуждала зёрна посеянных в неё злаков, готовясь родить тучные колосья, цветы и травы, плоды и овощи. Запели птицы в лесах, зажужжали пчёлы. И всякий зверь – от медведя до тли насекомой – радовался и принимался за работу.

Пора было и киевским кудесникам уходить в леса, чтобы молиться там, в уединении, до самых Овсений. Каждый имел в лесной чаще домик или землянку, разводил коз, овец, пчёл, чтоб иметь пропитание, и жил так, ни в чём не нуждаясь, наедине с богами.

Солнце уже двинулось к закату, когда на Перуновой горе закончились требы и молитвы. Кудесники стали прощаться с Великим Могуну и расходиться, чтобы готовиться в неблизкий путь к дальним заимкам. Вместе с некоторыми кудесниками уходили и юноши, которые хотели учиться Ведам и познавать Тайное, различать всякие людские хвори и немощи, знать, как их лечить, какой травой или снадобьем, и какую при этом читать молитву или заговор. Ведь каждому богу читается своя молитва и приносится своя жертва. И чтобы познать всё Боговедчество, не хватит и целой жизни. Поэтому надо ото всего отречься и посвятить себя только кудесничеству. А для этого пригоден далеко не всякий юноша, даже тот, кто хочет быть кудесником. Потому учеников отбирает сам Великий Могун, который знает не только Веда, но и мысли каждого. Ему не солжешь, не умолчишь, он людей будто насквозь видит – кто ты есть и откуда, как твоё имя и как зовут отца с матерью.

– Что ж это, отче, получается, – спросил Хорсослав, подходя к Великому Могуну, когда тот закончил разговор с последним из отроков, – мы же в прошлый раз упредили о том, что луна в Велесов день была полною, а значит, весной быть большому разливу рек. Отчего столько жертв и потерь случилось?

– Было всем киянам о том объявлено и на Торжище, и через Тиуна киевского, да народ беспечен, как всегда, каждый думает, что как-то обойдется, что его минет беда. – Могун помолчал, потом заговорил снова: – Говоришь, раз луна молодая на Яров день в этом году, то и осенние заморозки будут ранними?

– Верно, отче. В свитках всё отмечено – в какой день, где были Солнце, Луна и звёзды и какое из этого следует влияние на нынешнее лето.

– Что ж, добре потрудились, отец Хорсослав, дякую за свитки, теперь все волхвы да кудесники киевские теми знаниями владеть будут, понесут их огнищанам, рыбакам, бортникам да кормчим.

– Не одного меня это труд, Степко помогал, способный отрок, если так дальше пойдёт, достойная замена мне будет.

– Пусть подойдёт, – велел Могун.

Степко приблизился к Великому Кудеснику, почтительно отвесил поклон, приложив правую руку к сердцу. Затем взглянул в очи Могуну и вдруг почуял, будто вокруг всё завертелось. А сам он, становясь невесомым, начал, вращаясь, уходить в бездонную синь то ли небесной сварги, то ли глаз волхва. Отрок даже чуть шире расставил ноги, чтобы удержаться. И словно издали услышал вопрос:

– Воистину ли желаешь посвятить свою жизнь кудесной науке о звёздах и Солнце?

Потом слова вовсе ушли, но в тиши продолжало звучать нечто, бывшее сильнее и ярче слов. Отрок одновременно почувствовал и увидел, что, выбрав стезю кудесника-звездочёта, сам становится живым звеном в многотысячелетней цепи поколений жрецов, служителей Великой Правы. В короткий миг он узрел связь времён и труды волхвов, что изо дня в день, из года в год, из века в век собирали и передавали дальше по живой цепи знания-веды, записывали их на глиняных и деревянных дощечках, на камнях, кости, бересте и кожах, строили солнечно-лунные капища. Громада времени и человеческих знаний поразили его, и тем сильнее возникло желание встать в эту златую цепь. Будто издалека он услышал свой глухой голос, ответивший Могуну:

– Да, отче, желаю...

– Вижу, – ответствовал кудесник. – Что ж, – повернулся он к Хорсославу, – думаю, к следующему Яру посвятим отрока в солнечные жрецы.

– Дякуем, – ответил за обоих Хорсослав. – Благослови, отче, в обратный путь. Переночуем нынче, а завтра с утра – домой, в Кудесный лес.

Попрощавшись с солнечными жрецами, Великий Могун обратился к другому кудеснику:

– Погоди, отец Велесдар, хочю с тобой слово молвить...

Кудесник Крысь Велесдар был самым старым из киевских кудесников, который лицезрел самого Рурика и пришёл из Новгорода с Олегом Вещим. Но плоть его, иссушённая многими летами, оставалась выносливой, а зрение – верным. И хотя говорил он тихо, в словах имел великую силу. Велесдар умел врачевать, избавлять от лихого сглаза, отвращать недуги и ослабления, снимал самые страшные заклятия и помогал роженицам. За это он был в почтении и у людей, и у других кудесников, а простые огнищане по праву величали его Боговедом.

С длинной – почти до земли – белой с прозеленью бородой, одетый, как и прочие волхвы, в холщёвые порты и рубаху с вышитым узором по вороту и на груди, он имел также безрукавку на козьем меху, поскольку кровь уже плохо грела старое тело. На ногах – мягкие сапоги. Опершись на резной посох с рукоятью в виде головы быка, Велесдар кивнул и остался сидеть на колоде неподалеку от жертвенного огня.

Великий Могун сел рядом.

– Что, отче, – спросил он, – не видел ли ты княгини Ольги нынче на Требище?

– Не приходила она, – ответствовал Велесдар, – ни на Требище, ни на Торжище, ни на улицах её никто сегодня не видывал. Сказалась недужной, сама не пришла и сына не привела... Не зря увиваются вокруг неё хитрые греческие гости да служители христианские, а Ольга не слушает советов, не гонит их прочь. И юного княжича при себе держит, а его надобно обучать дедовской вере и обычаям.

– Ольга – одинокая жена, – отвечал Великий Могун, – может, из тех гостей хочет кого в мужья себе выбрать, вольному воля. А Святослава, ты прав, пора всерьёз обучением занять. Он должен следовать стопами отца и деда, стать настоящим князем и воином. Руси нужен крепкий муж, чистый помыслами, преданный нашей вере, исполненный славянского духа. Не то захватят киевский престол иноземцы, как в своё время грек Дирос или варяг Аскольд. А наш князь из рода Рарожичей...

– Олег Вещий из кельтов был, но нашей веры держался, – заметил Велесдар. – В нашей вере великая сила! – поднял он палец. – Ибо она делает человека славянином по духу, невзирая, какого он роду-племени.

– Вот и я реку, что давно пора обучать княжича славянским Ведам. Ему ведь сколько минуло?

– Да уж одиннадцать годков, все сроки вышли...

– Вот и пойдём теперь к Ольге, потолкуем всерьёз, хотя мы больше с богами говорить привыкли...

Кудесники не спеша спустились с холма и пошли к теремному двору.

День был уже на закате, и им всё чаще попадались крепко выпившие, горланящие песни люди. Там и сям устраивались драки, и уже не до первой крови, как на утренних состязаниях, а колотили друг друга жестоко и беспощадно. Некоторые, упившись, спали прямо у подножия Перуновой горы.

Могун, глядя на них, качал головой:

– Прежде праотцы наши знали только мёд-сурью, заделанную на травах и перебродившую на солнце, тайну сотворения которой бог Ладо передал отцу Богумиру. Пили её русы по три глотка пять раз в день во славу богов, и она была им во здравие, силой солнечной одаряла для работы тяжкой и сечи жестокой, а разум в ясности божеской сохраняла. А нынче хмельным греческим вином упиваются, которое омрачает разум, и пребывают в недостойном виде. Дерутся беспричинно, калечат друг дружку, силушка-то у славян – не чета греческой!

– Верно изрекаешь, – согласно кивал головой Велесдар, – от того греческого вина сколько бед произошло! С давних времён ромей, зная, что русы сурью часто пьют, вином своим её подменяли, на маке зелёном настоящим, и поили наших князей, а потом убивали их, как неразумных овнов, и увозили в рабство наших жён и юношей. Ох, много горестей ещё от того будет!..

– Ни один ведун или кудесник не потребляет напитков хмельных, хоть никто и не запрещает нам того. Потому что сила божеская с нами пребывает, доколе мы Оумом своим с богами соединены, а затумань Оум хоть толикой хмельного зелья, и сила волховская убавится...

– Не о волхвах речь, а о рукомысленниках, огнищанах, купцах, воинах и прочем люде славянском! Правь познавать можно лишь чистым и светлым разумом, а какой тут разум, какая чистота его? – Велесдар в сердцах указал на двух киян, что шли, пошатываясь, вдоль высокого частокола, то и дело хватаясь за него, чтоб не упасть.

Так, беседуя, дошли до ограды Детинца, где находился княжеский терем с постройками. Охоронцы с почтением пропустили волхвов, отворил калитку.³

Ведуны взошли на высокое резное крыльцо, укрытое от непогоды навесом с островерхой крышей. Молодой гридень в малиновом кафтане, мягких яловых сапогах и с лёгкой хазарской саблей за широким поясом учтиво склонил голову и отворил тяжёлую дубовую дверь, потянув за кольцо, вставленное в ноздри медной головы быка. Пропустив волхвов, гридень по-кошачьи легко и быстро скользнул вперёд, толкнул вторую дверь и, пройдя к Ольге, доложил:

– К тебе кудесники, мать-княгиня!

Волхвы вошли в просторную гридницу, где справа и слева от дверей стояли два уже зажжённых греческих светильника, приятно пахнущих елеем. От дуновения воздуха огоньки дрогнули, затрепетали, и на стенах, обитых пёстрыми коврами с развешанными на них воинскими доспехами, принадлежавшими ещё Олегу и Игорю, пробежали, искрясь в металле, разноцветные блики. Турьи, кабаньи и оленьи морды, взиравшие с другой стороны, казалось, на миг ожили.

Гридница была пуста, однако через отворённую охоронцем дверь виднелась девичья горница, где княгиня с тремя девушками сидели у малого стола со семисвечником и занимались рукоделием.

Молодой пардус, лежавший у ног, настороженно поднял голову, глядя на вошедших. Не ощутив с их стороны ни страха, ни враждебности, чуть опустил острые короткие уши и вновь положил морду на сильные лапы.⁴

³ *Детинец* – центральная (основная) часть города, ограждённая (окремленная, – в укр. «відокремлена») стеной. Кремль (прим. авт.).

⁴ *Гепард* – представитель семейства кошачьих. Приручался и использовался для охоты в Древней Руси (прим. авт.).

Девушка, сидевшая спиной к двери, сказала ему что-то ласковое и погладила по буропятнистой шерсти. Пардус, подобно огромной кошке, довольно замурлыкал, прикрыв янтарные глаза.

Дав распоряжение девушкам, княгиня поднялась и вышла в гридницу плавной, полной внутренней силы и достоинства походкой. Среднего роста и крепкого телосложения, Ольга была облачена в платье зелёного синьского шёлка и длинную, почти по самые щиколотки накидку из тонкого византийского сукна с собольей опушкой и широкими разрезными рукавами. Накидка скреплялась на плече золотой пальчатой фибулой. На голове поверх уложенных по-женски волос накинута плат тончайшего шёлка, покрытый малым золотым венцом в виде переплетающихся изображений цветов и птиц, украшенных несколькими зеленоватыми камнями. Княгиня ступала беззвучно в своих расшитых бисером мягких туфлях. Молодой дружинник зажёл светильник на столе и удалился. Поздоровавшись с волхвами, Ольга предложила им сесть. Ведуны с достоинством опустились на резную скамью подле огромного – рассчитанного на большое число гостей – стола, покрытого зелёной с золотым шитьём скатертью.

– Сказывают, занемогла ты, мать-княгиня? – осведомился Великий Могун.

– Да занедужила с утра, потому и на Требище не смогла прийти... – сказала Ольга полновзвучным глубоким голосом.

– Что ж нам знать не дала? Волхвов на празднование много пришло, вмиг бы хворь изгнали.

– Теперь вроде отпустило. – Ольга старалась не глядеть ведунам в глаза. Знала, что они могут читать людские помыслы, как Великий Могун свою волховскую книгу, которую, кроме него, никто понять не может.

– Княгине, видать, сам Яро-бог здоровье вернул в сей великий день, – сказал Велесдар, глядя на Ольгу.

Та повернулась к двери и нетерпеливо окликнула:

– Устинья!

Дверь отворилась, и одна из девушек внесла кувшин, а вторая – два расписных деревянных ковша. Следом за ними, цокая когтями по гладкому полу, вбежал пардус и сел у ног княгини. Девушки, налив медового квасу, с поклоном поднесли кудесникам. Те с удовольствием выпили, поблагодарили. Прислужницы проворно скрылись за дверью, а пардус растянулся на медвежьей шкуре тут же у стола.

– Мы с отцом Велесдаром по важному делу пришли к тебе, княгиня, – вновь заговорил Великий Могун.

– По какому делу? – намеренно спокойно спросила Ольга, чуть дрогнув светлой бровью.

– Святославу уж одиннадцать лет исполнилось, нельзя боле тянуть. Младенчество давно кончилось, пора начинать второе коло – познание тайных Вед...

Ольга знала, что с достижением семилетнего возраста будущий князь должен поступить на обучение к волхвам. Потом в четырнадцать лет принести клятву Перуну и пройти третье коло – воинскую науку. И лишь по прошествии этих трёх кругов, в день совершеннолетия, которое исполнится в двадцать один год, он станет настоящим мужчиной, воином и князем Руси. Но с тех пор, как Святославу исполнилось семь лет, Ольга с году на год откладывала обучение у волхвов, отговариваясь то болезнями княжича, то своим недомоганием, когда сын должен быть рядом. Да и в глубине души она считала эту учёбу не очень нужной. Ради чего княжич должен есть простую пищу, спать на твёрдых досках, терпеть голод и холод?! Её материнское естество противилось этому.

– Да ведь мал он ещё, отцы, – вновь попыталась возразить княгиня, – не уразумет он волховских премудростей, пусть ещё подрастёт...

– Мать-Ольга! – строго пресёк Могун. – Мы и так четыре лета тебе уступали. Не нами этот обычай заведён, не нам его и отменять. Отец его Игорь, и дед Рарог, и прадед – все эту

науку проходили. Святослав – будущий князь Руси, он должен ведать о том, о чём знаем только мы, кудесники. Вспомни, Олега прозвали Вещим, оттого что он в волховской науке преуспел, научился зреть грядущее и открывать тайные мысли врагов. Сколько раз его отравить и убить пытались, но он был заговорён ведовскими чарами, дожил до старости и умер так, как предсказали волхвы. Олег взрастил Игоря князем и воином, и Игорь желал так же воспитать Святослава. Нельзя, княгиня, против обычаев отцов и дедов идти, прогневим пращуров – быть беде! Через лето-другое княжичу уже воинскую науку познавать надо будет, дозволю его взять хотя бы от сего Яра до следующего!

Ольга задумалась. Вдруг и впрямь Святослав научится видеть то, что недоступно простым смертным, и сможет читать мысли людей, как эти независимые гордые волхвы? Но не станет ли он сам таким же гордым и независимым, не отвадит ли это обучение сына от матери? Что, ежели Святослав после этого только волхвов станет слушаться?

– Когда думаете начинать учение и где? – спросила она. – Сюда будет приставлен кто-то из кудесников или Святославу надо ходить на Требище?

– Тебе ведомо, мать-княгиня, – не допускающим возражения тоном продолжал Могун, – что княжич должен уединиться от мира и от людей и жить с волхвом в Кудесном лесу, оставаясь наедине с богами...

– В лесу? – всплеснула руками Ольга. Синие очи на округлом лице стали большими и глубокими. – Отчего ж непременно в лесу? У меня за Киевом два теремных двора, там тихо, никто мешать не будет. Я охрану надёжную дам! – Ольга встревожилась всерьёз. На целый год отпустить сына в лес с дикими зверями и колдунами?!

Могун покачал головой.

– Тому, кого оберегают сами боги, стража не требуется. Не волнуйся, мать-княгиня, ничего худого с княжичем случиться не может, только доброе, истинно реку тебе!

В это время послышался топот ног по ступеням сверху, где находились княжеские покои, дверь широко распахнулась, и в гридницу вбежал юный Святослав в одной длинной ночной рубашонке.

– Где мой Кречет? Ульяна сказала, что он здесь! – воскликнул он. Увидев пардуса, стремглав бросился к нему и взялся за изукрашенный чеканкой ошейник. И лишь тогда заметил, что кроме матери и верного пардуса, с которым он проводил время в борьбе и беготне по терему, на лаве сидели чужие люди. Княжич нахмурился и серьёзно стал разглядывать старцев. Могуна он узнал почти сразу, потому что видел его несколько раз на Требище и в праздники. А вот другого старика припоминал смутно. Кажется, он приходил давно, во время какой-то тяжкой болезни... Святославу эти воспоминания не понравились, и он нахмурился ещё больше.

– Скажи, юный княжич, ты знаешь, кто я таков? – спросил Великий Могун.

– Знаю, – ответил Святослав, тряхнув неостриженными тёмно-русыми волосами, – ты главный киевский волхв, режешь коз и овец на Капище...

Могун улыбнулся.

– А знаешь ли ты, что волхвы с богами говорить умеют, людей врачуют, язык зверей и птиц понимают?

– Знаю, не маленький, – с некоторой обидой буркнул Святослав.

– Дозволь, мать-княгиня, – обратился Могун к Ольге, – спросить у самого юного княжича, желает ли он учиться волховству и тайным Ведам в лесу у кудесника Велесдара?

Ольге ничего не оставалось, как с деланным безразличием пожать плечами, тем более что вопрос хитрый волхв уже задал.

Святослав взглянул на мать, на волхвов, почему-то на своего пардуса, которого продолжал держать за ошейник, потом опять на волхвов.

– Правду речёшь? – спросил он, весь напрягшись и вперив немигающий взор в Могуна.

– Богом Велесом клянусь, правда. Пришла пора твоей учёбы, – серьёзно и спокойно ответил Могун.

Малец вмиг преобразился: глаза его засияли голубыми звёздочками, чело озарилось детским восторгом.

– Ехать сейчас надобно? – не скрывая нетерпения, спросил он, не отрывая восхищённого взора от Велесдара, про которого няньки и девки в тереме рассказывали столько невероятных и удивительных историй! И вот теперь сам Велесдар будет обучать его волшебству, и где? В глухом лесу, где полно диких зверей, где нет ни челяди, ни надоедливых дядек, ни зоркой стражи, следящей за каждым его шагом! Душа юного княжича пела, и он готов был ехать немедленно, хоть на ночь глядя, прочь из терема.

Детское сердце так горячо, а глаза так правдивы, что его состояние поняли и волхвы, и мать.

– Мы скажем, когда надобно будет ехать, Велесдар должен всё подготовить, – несколько охладил пыл Святослава Могун.

Ольга уже с плохо скрываемым чувством досады, обиды и материнской ревности велела сыну:

– Пора ложиться спать!

Святослав взглянул исподлобья.

– Без Кречета не пойду! – заявил твёрдо, как отрезал.

Ладно, – махнула рукой Ольга, – забирай своего Кречета и иди...

Дверь за княжичем затворилась, и в гриднице повисла напряжённая тишина.

– Пардус – зверь гордый, – проговорил, будто сам себе, до сих пор молчавший отец Велесдар. Ольга думала, что старик и вовсе задремал. – В неволе он не размножается, – продолжал кудесник, – и долго не живёт, как его ни корми и ни пестуй...

– К чему это ты, отче? – настороженно спросила Ольга.

– А к тому, мать-княгиня, что сын твой, как русский пардус, не предназначен в неволе жить. Чтоб суметь вольной Русью править, он сам вольным и сильным должен быть. Не гневайся на сына, что рвётся он из отцовских хоромин, для него скоро вся Русь родным домом станет, и стезя его освящена самими богами. Не иди супротив! – то ли уговаривая, то ли предупреждая, заключил Велесдар.

Оба кудесника встали и, слегка поклонившись, с достоинством пошли вон из гридницы.

Ольга, тоже чуть склонившая голову в ответ, осталась стоять у лавы задумчивым немym извоянием.

Глава вторая

Праздник богов

Пройдя по звериной тропке вдоль ручья, Велесдар вышел к тому месту, где прозрачные струи сливались с небольшой рекой, а на поляне возвышался Священный дуб. На высоте примерно пяти саженей, там, где начинались ветки, можно было разглядеть выступы четырёх кабаньих челюстей. Когда-то аккуратно вставленные в древесину, они давно заросли и стали единым целым с Перуновым дубом. Потому что дикий кабан – вепрь – является одним из священных животных Перуна. Он силен, могуч и бесстрашен, а дубовые желуди служат ему любимым лакомством.

Под раскидистой кроной старец остановился. Оглядевшись, прислушался. Никаких посторонних звуков, кроме журчания воды, шума молодой листвы и щебета птиц.

Велесдар, опершись руками на свой посох, прислонился спиной к грубой коре старого дуба. С этой стороны кора была тёплой, видно, солнце, отражаясь от зеркала водной глади, нагрело ствол.

– Здравствуй, Дуб-отец! – запрокинув голову к зелёной кроне, приветствовал его кудесник. – Мы оба прожили долгую жизнь, но моя по сравнению с тобой – будто капля из этой реки. Человеческий век недолог, мои годы уже на закате, а ты по-прежнему силен и крепок. Ты – обиталище самих богов и имеешь могучую силу, что растекается по твоему стволу и ветвям. Поддержи и укрепи моё стареющее тело. Не для себя прошу, Дуб-отец, важное деяние предстоит мне исполнить от имени всех кудесников...

Волхв постоял, тесно прислонившись к дереву, с закрытыми очами. Постепенно стала исчезать усталость от долгой ходьбы, тело наливалось крепостью. Потом, отойдя от ствола на несколько шагов, Велесдар поднял посох над головой, держась за него обеими руками, и потянулся вверх, к Хорсу, так что все члены тела захрустели, а жилы натянулись, подобно тетиве лука. Кудеснику показалось, что он начал быстро расти, и скоро достиг руками упругой синевы сварги. Всё так же, крепко держась за посох, он медленно прогнулся назад, а затем наклонился насколько мог ниже, наслаждаясь приятной болью в натруженной пояснице. После третьего наклона боль вовсе исчезла, а внутри появились лёгкость и радостное ощущение силы и бодрости. Старик удовлетворённо крикнул, сказав себе, что теперь ещё полдня можно идти без усталости.

Выбрав место на берегу, он сел на шелковистую траву подле вербы, положил рядом посох и стал ждать.

Солнце уже коснулось верхушек деревьев за рекой, когда послышался едва различимый конский топот. Он то появлялся, то пропадал, становясь с каждым разом всё явственнее. Старик прислушался: без сомнения, с низовья реки походной рысью приближались два всадника. И когда на полузаросшей дороге, выходящей по противоположному берегу, в самом деле показались два верховых – высокий и маленький, Велесдар остался доволен. Волховское чутьё не подвело и подсказало, что именно нынче он должен поспешить навстречу долгожданным гостям.

Когда всадники приблизились, Велесдар поднялся и помахал им, указывая, где удобнее переправиться на левый берег. Лошади осторожно вошли в воду, нервно подрагивая разгорячённой кожей, но река в этом месте была неглубока и едва доходила им до брюха.

Свенельд, крепкий рыжеволосый и рыжебородый муж лет сорока, облачённый в лёгкие и красивые византийские доспехи, соскочил с коня, на котором также была дорогая и искусная сбруя. Придержав за повод невысокую, с широкой спиной лошадь Святослава, хотел помочь ему спешиться, но малец резво соскочил сам и стал рядом, с интересом глядя на Велесдара своими голубыми очами.

– Здрав будь, отец Велесдар, вот привёз тебе ученика, принимай!

– Здравствуй, воевода, – степенно отвечал старец, – и ты, юный княжич! – Кудесник положил руку на плечо мальчика, с удовлетворением отмечая, что тот хоть и невелик ростом, но крепок, резв и вынослив. Проскакать целый день на лошади может далеко не каждый отрок. Значит, и с учением справится. – Не передумал ли, по-прежнему хочешь познавать Тайное? – спросил он Святослава.

– Хочу! – твёрдо ответил юный княжич.

– Вот и добре! – улыбнулся старик. Потом повернулся к воеводе: – Как путь одолели, не случилось каких помех, не встречали ль кого по дороге?

– Нет, – отвечал Свенельд, – мы выехали до рассвета, как велел Могун, чтоб не заметили чужие глаза. Далеко ли ещё, отче? – спросил он. – Мне хорошо бы до заката тронуться в обратный путь.

– А мы уже на месте, – отвечал Велесдар. – Так что можешь ехать.

Свенельд огляделся, ища глазами пристанище волхва, но ничего похожего на человеческое жильё не обнаружил. Он хотел что-то спросить, но потом пожал плечами и пошёл к лошадям. Взяв под уздцы лошадь Святослава, подвёл её к волхву и протянул повод. Похлопав по массивным перемётным сумам, пояснил:

– Тут снесь на первый случай, одежда для княжича, коня вот оставляю. Что ещё будет надобно, ты, отче, только дай знак через своих кудесников, мигом всё доставлю.

Велесдар взглянул на Святослава, который осматривался на поляне, взял лошадь и свёл её к самой воде. Свенельд со своим конём пошёл следом. Оказавшись у воды, животные стали пить, а кудесник о чём-то вполголоса беседовал с воеводой, так что слов не было слышно, да Святослава это и не занимало. Он весь был поглощён новыми впечатлениями и прохаживался по зелёной молодой траве, слушая лесных птиц и глядя на бабочек и жуков. Небольшая рыжая лисичка шмыгнула через кусты, и Святослав свистнул ей вслед. Взглянув опять на взрослых, удивился, с каким вниманием Свенельд, всегда такой уверенный в себе, слушал каждое слово волхва, стоя перед ним чуть не на вытяжку. Затем медленными движениями, будто сам удивлялся тому, что делал, воевода привязал Святослава коня к луке своего седла, вскочил на вороного жеребца и так же молча, не попрощавшись, поехал через брод.

Велесдар проводил его взглядом до поворота реки. Только когда фигура всадника с лошадьми скрылась за деревьями, Святослав опомнился и стремглав кинулся с пригорка к волхву.

– Конь! Мой Снежок! И весь скарб – одежда, снесь, что матушка передала, зачем Свенельд их забрал? – одновременно гневно и растерянно кричал он.

Лицо старика оставалось спокойным, даже добрым.

– Так надо, княжич, – мягко ответил он.

– Но куда Свенельд уехал? Он скоро вернётся?

– Он вернётся только на следующее лето, когда закончится твоё учение.

– Как же так? А вдруг что надобно будет или матушка его пошлёт?

– Он не найдёт дороги. Заклятие я на него положил, – пояснил Велесдар. – До следующего лета про всё забудет – и про тебя, и про эти места, и даже если очень захочет или попросит кто – не сможет вернуться...

– Но почему? – с возмущением и некоторой опаской спросил Святослав.

– Потому что с нынешнего часа у тебя начинается новая жизнь, совсем не похожая на ту, что была в княжеском тереме. А вещи твои, конь и лакомства, которыми баловали стряпухи, – они из той, прошлой жизни, будут тянуть назад к суете и праздности, мешать познавать Тайное.

– Как вещи могут тянуть меня, ежели я их хозяин? – уже не так возмущённо, сколько обиженно возразил малец.

– Порой нам кажется, что мы – владыки вещей, а зачастую случается обратное... – Видя непонимание в глазах отрока, старик спросил: – Этот красивый узорчатый пояс с золотыми

львами и чудный кинжал, чья рукоять украшена дорогими камнями и финифтью, – это твои вещи, ты их полный хозяин?

– Конечно я, а кто же? – гордо выпятил губу Святослав. – Византийские послы, когда делали подношения матушке, вручили сей дар для меня!

– И ты волен сделать с ним всё что угодно?

Малец кивнул, серьёзно глядя на старика.

– Тогда возьми пояс вместе с кинжалом и брось в реку, – неожиданно предложил волхв.

Святослав некоторое время оторопело смотрел на кудесника – может, шутит? Но тот глядел так серьёзно и выжидающе, что под этим пристальным взором княжич медленно отстегнул пояс с ножнами, который был и вправду красив. Но особенно нравился кинжал, который делал его немного похожим на настоящего воина, вселяя уверенность своей тяжестью и острым блестящим лезвием. И теперь вдруг взять всё это и выбросить?! На лице Святослава написались растерянность и отражение внутренней борьбы. Он невольно прижал ножны к груди, как бы защищая их от посягательства.

– Вот видишь, – с лёгкой укоризной сказал Велесдар и, повернувшись, зашагал по направлению к Священному дубу. Остановившись под ним, прикоснулся к шероховатой поверхности ствола и стал вполголоса что-то бормотать, наверно, молитву.

– Пойдём! – спустя некоторое время уже громко позвал он, сворачивая на звериную тропу, уводящую в лес.

Святослав посмотрел на уходящего волхва, на потемневшую воду реки, на зажатый в руке пояс с кинжалом. Потом зажмурился, швырнул любимый кинжал в воду и, не оглядываясь, побежал догонять старика.

Велесдар повернулся к нему.

– Ну, как, почувствовал власть вещей?

Отрок промолчал, и они зашагали по узкой едва приметной тропе, которая совсем терялась в наступающих сумерках. Сухой валежник и лапы деревьев то и дело хватали за одежду. Красивая шёлковая рубашка цеплялась за каждый сучок и ветку, загнутые носки изящных сапожек попадали в ловчие петли корневищ. Святослав, как ни старался идти осторожно, несколько раз оступался и падал, оцарапав лицо и руки. «И как это Велесдар не оступается, видит, что ли, в темноте или землю чувствует босыми ногами?» – удивлялся отрок, стараясь следовать по стопам волхва. Какие-то звуки и шорохи слышались вокруг, заставляя сердце сжиматься от страха. Темнота сгустилась настолько, что продираться приходилось теперь почти наугад. Святослав взмок и устал, ему стало казаться, что этот путь сквозь лесную чащу не закончится никогда. Будто угадав его мысли, старик остановился, и они присели на какую-то корягу.

– Тяжко идти? – спросил Велесдар.

Святослав только шумно сопел, не желая признаваться в слабости.

– Жалко кинжала? – опять спросил волхв, будто заглянул в душу. – Да, чем красивее вещь, тем крепче она к себе привораживает, тем труднее избавиться от её власти... Хочешь, я тебе одну байку расскажу, – неожиданно предложил ведун.

– Расскажи! – повеселел Святослав.

– Было это в глубокой древности, когда Пращуры наши ещё землю не пахали и пашницу не сеяли. Гоняли себе скот по степям – коров, быков, коз, овец и коней, молоком-мясом кормились да степными травами, а зерно выменивали на кожи, сало и овечью шерсть.

Науки тогда особой не ведали, грамота невелика была – что надо, на чурку резали, и того для дела хватало. Жили просто, зато скот свой знали, как кудесник книгу, лечить умели, выхаживать, умели драться, защищая своё добро и семьи, и друг другу всегда говорили лишь правду. Никто не ведал тогда лжи, зависти, коварства, обмана. Слушались старейшин, которых выбирали, почитали Дедов, уважали Баб, берегли детей, помогали слабым. И всякому, кто

приходил с миром, давали Пращуры есть-пить, и место у костра, ночлег и помощь, ежели требовалось. А всяких воров, что на стада зарились, отважно изгоняли прочь.

И был старейшиной того рода Усила по прозвищу Добрый, потому как незлобивый характер имел. Он, как и все его люди, спал в телеге на сене, накрывшись попоной. А ночью вставал и шёл проверять дозоры, и горе тогда тем, кто уснул в траве! Усила своим толстым кием так огреет, что надолго запомнится, стражник – он ведь за всех в ответе, проспип, не уследит – быть беде!

На Заре вставали Пращуры, умывались студёной водой, молились на восток и богов славили. И приходил к ним бог, как простой старец в свитке, говорил с людьми, подсказывал. А люди те в простоте своей думали, что это старый дед с ними речь ведёт. Отвечали ему с уважением, а потом видели, как он улетал в небо ясным соколом, а то быстрой ланью скрывался в траве.

И давали боги приумножение скота и добра всякого, что для жизни надобно. Но и лишнего не давали им боги, потому как от лишнего человек растрачивается, от лишнего жена портится, сыны гуляют, работу бросают, дочери расходятся по чужим людям, и от лишнего человек остаётся один сам с собой, всем лишний.

Так жили Пращуры небогатой, но радостной и вольной жизнью.

Но пришли как-то раз чужестранные купцы-гости, стали показывать серебро-злато, украшения всякие, камни самоцветные, предлагая менять на овчину с говядиной.

Загорелись очи у жены Усилы – Гордыни. Набрала она серебра-злата, стала в косы вплетать, на руках кольца-браслеты носить, тело парчой-бархатом обвивать. А за ней все другие жёны и девицы стали так делать. Мужчины же и юноши начали оружие украшать, конскую сбрую и друг перед другом хвалиться – у кого уздечка красивее или бляха искуснее.

Зависть и гордость поселились в людях, исчезла прежняя простота нравов, и даже Усила Добрый заскучал от такой жизни. А Гордыня между тем мужа подтачивала своими речами, как вода крутой берег, мол, мало у нас серебра-злата, а у соседей, вон, рекут, большие богатства есть, и ежели их отобрать, всем хватило бы, а Усилу за то ещё больше величать станут...

Не утерпел Усила, приказал готовиться к войне. Пошла тогда ещё худшая жизнь – вместо того, чтоб смотреть за скотом и выполнять каждодневную работу, надо было кузницы ставить, ковать пики, мечи, ножи и идти на войну посреди лета. А соседний старейшина прознал, что Усила на него идти собирается, и тоже велел оружие делать, запасы копить и упражняться в воинском деле.

И вот сошлись бывшие соседи в злой и беспощадной сече, вытоптали зелёные пастбища, сожгли станы и перебили друг друга. Глядя на них, и другие роды войну начали, и вскоре по всей земле, где Пращуры жили, встали люди один против другого. И не было от того ни капли добра, а только реки крови и ненависти. Скотину перебили и поели, пастбища вытоптали, горшки и кувшины побили, так что ни кашу сварить, ни воды принести не в чем было. И стали русские роды как овцы без Велеса.

И пришли тогда купцы иноземные, что злато-серебро пращурам давали, да не одни пришли, а с великим войском и без труда одолели русов. Усилу, что некогда Добрым звался, зарубили, а с жены его Гордыни серебро-золото сняли, парчовые одежды сорвали, на шею верёвку накиннули и привязали к возу вместе с другими пленниками. Угнали скот, продали многих Пращуров в рабство, а земли их себе взяли. И долго так было, пока не помирились роды, скопили силы, объединились и смогли вместе одолеть врагов.

– Так-то, Святославушка, – вздохнул старик, – хоть и было это в глубокой древности, о которой и самый старый ворон не кричит, однако люди с тех пор не изменились. А искушений теперь ещё больше имеют от серебра-злата, власти, роскоши, изысканных яств, дорогих одежд, богатых храмин. И ежели врага на поле храбростью одолеть можно, смелостью, умением воинским, то власть вещей намного коварнее будет. Подобно греческому вину, она захватывает

в полон душу и затмевает разум, и тогда уже ничем её одолеть нельзя. Самое верное оружие против этого – Купальская чистота, Перунова правь и Велесова мудрость. Запомни, княжич, основной закон Бытия, завещанный нам богами, гласит: чего лишнего, то не надобно. Вещи только тогда послушны, когда используются по назначению. Кинжал ведь был у тебя больше для красоты и хвастовства, чем для дела, верно? Так что нынче, княжич, ты не кинжал, а оковы тяжкие выбросил. Не переживай и не жалея. Придёт время, и ты научишься владеть и вещами, и оружием, и ещё многим другим...

– А как скоро, отец Велесдар? – вскинулся княжич.

– Научишься, – улыбнулся кудесник. – Время – оно, слава Числобогу, на то и дано, чтобы ждать своего часа и готовиться. Но коли уж придёт, не проспай и крепко ухватить за узду, не то, как быстрый скакун, унесётся прочь в бескрайнюю степь...

– Зря Снежка отпустили, – вспомнил про своего коня Святослав, – на нём мы быстро могли доехать куда надо.

– Конь ухода требует, его кормить, поить, чистить, выгуливать надобно. Конюшенных тут нет, а у нас с тобой на это времени не будет, да и ездить нам некуда – кудесники всегда пешком ходят. Ну, отдохнули, пойдём дальше! Старайся ступать мягче, – наставлял старик, – хотя тебе сапогами трудно землю чуют, ну ничего, доберёмся.

Святославу казалось, что они шли всю ночь, наполненную странными звуками неведомых птиц и зверей, лесных духов и призраков. Но когда наконец вышли на поляну со старой, чуть покосившейся избушкой, над деревьями только стала восходить Луна.

– Здравствуй, мать-Макошь! – приветствовал её Велесдар. – Благодарствуем, что выглянула своим светлым оком, вот мы уже и дома!

Велесдар взял большую лучину из кучи заготовленного хвороста и зажгёт её от дымящихся углей кострища, обложенного камнями посреди поляны. Прикрывая ладонью дрожащий огонёк, внёс его в избушку, отворив дверь, подпёртую палкой. Святослав вошёл следом. Внутри приятно пахло травами и мёдом. Поднеся лучину к старому кувшину с узким горлом, стоявшему в миске с водой, волхв зажгёт ещё две, опустив и принесённую. Огоньки, потрескивая, осветили колеблющимися язычками скромное убранство избушки, показавшейся Святославу чрезвычайно низкой и тесной.

– За стеной послышалось жалобное бление.

– Сейчас, сейчас, Белка! – отозвался Велесдар и, указав Святославу на лавку у дощатого стола, вышел в другую половину.

Вскоре он вернулся и поставил перед мальцом кринку с парным козьим молоком, добавив горбушку чёрного ржаного хлеба грубого помола. Но они показались Святославу необычайно вкусными, почище тех изысканных снедей, что увёз Свенельд.

Слабый огонёк в старом кувшине, обгоревшие угольки падают, шипя, в миску с водой. Пряный запах трав, гудящие от усталости ноги, древний старик в холщёвой рубаше и козьей душегрейке, что-то говорит, но слышно всё хуже... Предметы расплываются и исчезают...

Голова княжича опустилась на столешницу. Он уже не слышал, как старик поднял его, переноса на широкую новую лаву, пахнущую свежей древесиной и застланную бараньей шкурой, как снимал сапожки и изорванную, ещё недавно такую красивую одежду. Крепчайший сон сморил Святослава, и он погрузился в сладкую темноту, объятый великим Ничто.

Утром перед рассветом, когда самый сладкий сон, Велесдар разбудил отрока. Тот долго не мог прийти в себя и сообразить, где он и куда надо идти, когда ещё темно и так хочется спать.

Выведя его за руку из избушки, Велесдар повлёк голого и сонного княжича куда-то по тропе, неся во второй руке деревянный жбан за продетую в ушки верёвку. Сырой прохладный воздух заставил мальчика съёжиться, тело покрылось гусиной кожей. Шишки, сучки и камни больно кололи нежные босые подошвы. Святослав ойкал, хныкал и слегка упирался.

– Ой, ноги колет! Куда мы идём? Холодно!.. Где моя одежда и сапоги?

Спустившись в лощину, они оказались у студёного источника-криницы, в котором отражались уже слабеющие звёзды.

Велесдар торжественно произнёс:

– С сего утра и сего омовения начинается твоя новая жизнь, Святослав! А старая пусть уйдёт в землю вместе с водой!

Он зачерпнул жбан воды, настоящей на глубокой синеве ночного неба и золотистых звёзд.

– Повторяй за мной молитву богу нашему Купале, что правит всеми мытнями и омовениями: «Боже, Купало! Очисти мя от зла и всяческой скверны!»

Святослав, клацая зубами, повторил.

– Да будешь чист ты, как снега в поле, духом, телом и помыслами, чтобы к богам нашим приближаться. А они пусть наставляют тебя и хранят, чтобы мог над Киевом княжить, матери своей и близким в радость быть, а Руси – во славу и гордость! – торжественно проговорил старик и вылил на отрока из жбана.

От потока ледяной воды, обрушившейся разом на голову и всё тело, княжич завопил, а потом громко и по-детски обиженно заплакал.

– Ничего, ничего, – успокаивал его Велесдар, оборачивая холстиной, – это только в первый раз холодно и неприятно, а потом – одно удовольствие!

Старик снял одежду и медленно, с наслаждением вылил на себя воду раз, потом другой. Надев рубаху, поблагодарил Купалу. Святослав смотрел на него широко раскрытыми глазами, в которых ещё стояли слёзы, но уже не плакал, а только всхлипывал.

– Теперь, сынок, беги в избушку, – велел кудесник, – и оденься, там на лаве рубаха лежит. А потом ворочайся сюда, мы с тобой пойдём нынче смотреть праздник богов. Да не медли, а то не успеем!

Святослав стрелой помчался в избушку, иногда морщась и подпрыгивая на особо острых камнях. На лаве нашёл простую льняную рубаху, длинную – ниже колен, и ничего больше, ни портов, ни сапог. Одевшись, отрок минуту колебался: не остаться ли? Завернуться в тёплую шкуру, согреться. Но обещание волхва показать праздник богов было таким заманчивым, что княжич вновь побежал к роднику. Оттуда они с Велесдаром отправились дальше по узкой тропинке.

Пока Святослав бегал туда-сюда, а потом быстро шёл, грубая ткань тёрлась о кожу и скоро совсем высушила и согрела её, даже босым ногам было теперь не холодно. Наконец вышли к лесному озеру, подёрнутому предрассветным туманом, на чьей глади отражалась бледнеющая Луна.

– Гляди, Святославушка, слушай и запоминай, – тихо прошептал Велесдар. – Видишь, туман от берега отходит, а за ним Макошь укрывается. Этот туман в ночи и лунный свет Русалки с Вилами собирают для Макоши, а она уже делает тончайшую серебряную и золотую пряжу, из которой прядёт нити Судьбы. А на рассвете Макошь уходит по озеру туда, где вода сходится с синей сваргой. Гляди, княжич, как садится она в свою серебряную ладью и плывёт по размывающейся звёздной стезе опять в небо. А вослед ей уже спешит Червонная Заря и проливает в воду свои золотые багрянцы...

Впервые в жизни зрел Святослав рождение нового дня не своими обычными детскими глазами, а будто каким-то третьим оком, которому открывалось то, что прежде было невидимо. Завороженно следил отрок, как среди клубящегося тумана плыла по озеру небесная богиня Макошь, как над водой вставала утренняя мгла и холодные криницы у берега дымились той синей мглой, а Заря окрашивала озеро расплавленным в горниле Огнебога червонным золотом. Это было удивительное, волшебное зрелище! Оно входило в распахнутую детскую душу и память, чтобы остаться там навечно восторженным восхищением чуда.

Из тростников послышалось несмелое криканье серой утки, ей – уже громче – ответил селезень. В лесу запел дрозд, отозвалась щебетом одна птица, за ней другая, третья...

– Слышишь? – шептал Велесдар, и очи его горели молодым радостным огнём. – Это бог Птичич разбудил дрозда, лесных и водных птиц, и теперь они поют утреннюю песнь Дажьбогу, чьё животворящее дыхание объемлет всё сущее и творит саму жизнь на земле. Ты чувствуешь его, сынок?

Тепло и свет струились сверху, рождая благословенный день.

– Да, отец Велесдар, я чувствую его, – шёпотом отвечал Святослав, разводя руки и подставляя лицо и ладони золотому дождю солнечных лучей.

– Человек, живущий по Прави, зрит праздник богов в каждом рассвете. А тот, кто не почитает богов, живёт, подобно слепцу. Для него рассвет сер и безрадостен, и нет в нём никакого божьего чуда...

В избушку они вернулись тихие и умиротворённые, будто наполненные светом, почерпнутым на празднике богов. Не торопясь, позавтракали мёдом с житным хлебом, запивая водой, сваренной с особыми травами, что укрепляют память и проясняют мысли.

Оставшиеся крошки старик бросил в кострище – малую жертву Огнебогу. Потом Святослав с интересом наблюдал, как Велесдар доит Белку – молодую и белую, как снег, козочку, как он при этом ласково разговаривает с ней, прося дать побольше питательного и целебного молока для юного княжича.

Недалеко от поляны на взгорке находилось Требище. Здесь не было кумиров, а лежал только древний Заветный камень с жертвенником. Отец Велесдар пообещал, что научит Святослава, как молиться славянским богам и приносить им жертвы. А пока он уединился на Требище и долго о чём-то просил богов. Святослав в это время лепил из мокрой глины коней и играл с ними.

Вернувшись к избушке, Велесдар усадил княжича на одну из колод, лежавших у кострища на поляне, и сказал:

– Ты вступаешь в коло познания Тайных Вед. А начинается оно с того, что по обычаю Пращуров надо обрить твои детские вихры, оставив посередине только одну прядь – осередец, а в левое ухо вдеть серьгу.

– А зачем так делать?

– А затем, сынок, что когда ещё сам Сварог на земле живым богом был, то он носил чуб и серьгу, и всем русам завещал так делать. Потому что если убьют враги русского воина, то его на поле боя по бритой голове с чубом и серьгой распознать можно и похоронить с почестями, потому как душа руса находится в его голове. Мы носим серьгу с синим камешком в знак почтения Сварога и наших Пращуров, что обитают в синей сварге. Твой отец, дед и прочие родичи там пребывают, поэтому ты должен носить серьгу как память о них...

Старик принёс ковш воды, старый, но остро отточенный нож с потрескавшейся рукоятью из рога степного сайгака и кусочек синей глины. Прошептав что-то над принесёнными предметами, он намочил голову Святослава и поводил по ней синей глиной. Волосы и кожа покрылись слизистой пеной. Тогда волхв взял нож и ловкими короткими движениями стал сбрасывать прядь за прядью, снимая их с лезвия заскорузлым пальцем и складывая аккуратной стопкой на подготовленный кусок коры. Несколько раз железо порезало-таки кожу, Святослав вздрагивал и морщился от боли, но терпел, даже когда увидел на ноже алую кровь.

Когда голова была обрита, они отошли чуть в сторону, Святослав наклонился, и старик полил водой, смывая слизь, кровь и остатки обритых волос. Потом Велесдар принёс из хижины какой-то свёрток, медную чашу и деревянный ковш. В чаше была какая-то душистая мазь, а в ковше лежали длинная игла и серебряная серьга с синим камешком. Святослав с опаской поглядывал на всё это, но молчал.

Волхв смазал мазью порезы на голове, потом натёр ею же мочку левого уха и быстрым движением проткнул её иглой, так что отрок даже не успел сообразить, что к чему, только вздрогнул. Боль оказалась не такой сильной, как он ожидал, не больше комариного укуса. Старик между тем вставил в прокол серьгу.

– Это твоя первая воинская кровь, княжич, и первая боль. А теперь облачись вот в это, – отец Велесдар развернул свёрток и подал Святославу белую льняную рубаху, расшитую по вороту красными солярными узорами, и пояс с обережными знаками. Помогая завязать пояс, волхв произносил не совсем понятные слова:

– Облеку тебя облаками, подпояшу Красной Зарёй, огорожу светлым Месяцем, обычу частыми Звёздами, освещу красным Солнышком, оделю мощью на каждом вдохе и выдохе... – Потом, отстранившись, полюбовался на юного княжича и сказал: – Запомни этот день, Святослав. А теперь возьми свои обритые волосы и брось в огонь – это будет твоей первой жертвой Перуну. Пусть он хранит и оберегает тебя на предстоящем пути князя и воина.

Святослав бросил кору с волосами на угли и смотрел, как они подсыхают, а потом сгорают, превращаясь в пепел.

В эту ночь он спал беспокойно – саднили порезы на голове и прокол в ухе, болели избитые и оцарапанные о камни ноги.

Когда же следующим утром он подошёл к кринице, то увидел в спокойной воде незнакомое лицо отрока с чубом-осередцем и серьгой в ухе. Этот отрок глядел внимательно и даже сурово, как глядят настоящие мужчины и воины. Во всяком случае, он не был похож на капризного прежнего мальчика.

И хотя впереди ещё случались и обиды, и слёзы, но лик отрока с чубом из криницы всякий раз напоминал юному княжичу, что теперь он совсем иной и живёт новой удивительной жизнью. Подпоясываясь волшебным поясом и трогая в ухе серьгу с синим камешком, напоминающим весеннюю сваргу, Святослав убеждался, что это – Явь, и старался вести себя, как подобает взрослому.

Глава третья

Купало

Каждый день до рассвета Велесдар будил Святослава, и они шли на мовь к студёной кринице. Если было погожее утро, то встречали Зарю и любовались праздником богов.

Затем с молитвой Огнебогу раздували угли и бросали в жар сухую траву. Огнебог в мантии дыма и пламени поднимался, вырастал и протягивал к ним свои золотые руки. Святослав кормил Огнебога сухими ветками, которые он жадно поглощал, треща и разбрасывая искры. Когда кострище разгоралось, над ним вешали котёл и готовили варево.

Иногда к избушке приходили люди, прося исцеления себе или родным. Велесдар лечил, произносил заговоры, а Святослав помогал волхву – приносил нужные травы, снадобья, молча и сосредоточенно выполнял другие указания. При посторонних кудесник называл его только «внучек» или «сынок», не произнося имени. Никто не мог и подумать, что этот бритый босоногий мальчик, прислуживающий волхву, – киевский княжич.

Между тем обучение юного Святослава шло непрерывно с рассвета и допоздна. Волхв учил его, как по звёздам, шуму ручьёв, направлению Стрибожьих ветров, узнавать дорогу ночью и днём, в лесу и голой степи. Как заговаривать кровь-руду, как по поведению птиц и зверей определять, есть ли поблизости чужой, один он или много и куда движутся.

Всё, что узнавал за день, а также примечал в лесу, отрок должен был перед сном повторить Велесдару.

С каждым днём Святослав становился увереннее в себе, крепче телом и духом. Ноги его быстро привыкли к ходьбе босиком, и он, уже не обращая внимания на сучки и шишки, носился по лесным тропам наперегонки с косулями, которые иногда приходили подкормиться хлебом. Если надо, мог ходить и неслышно, подкрадываясь, будто дикий зверь. Перестал бояться холодной воды, а напротив, плясал и фыркал под чистой – настоящей на звёздах и туманах – струёй родниковой воды, или бежал к озеру и от души плавал и нырял там, как бобрёнок. А потом, возвращаясь, прямо у тропки набирал в подол рубахи с десятков замечательных грибов.

– Дедушка, гляди, диво-то какое, совсем рядом и столько грибов каждый день!

– Сие, внучек, нам боги лесные дарят за то, что лес мы не обижаем, с любовью к нему и всем обитателям относимся, потому Лесич нам и травы нужные, и грибы, и мёд дикий в достатке даёт, – отвечал старик, поглаживая уже загоревшую голову княжича.

Как-то он кликнул Святослава помочь ему в странном, по мнению отрока, деле – закапыванию в землю нескольких довольно трухлявых колод в тенистых местах вокруг их полянки.

– Зачем это, деда Велесдар? – изумился ученик.

– А затем, чтобы Лесовику да Грибичу было где посидеть, отдохнуть, о делах лесных посудачить. Глядишь, и на том месте, где Грибич сидел, опять появятся.

«Вот здорово, – подумал про себя Святослав, – выходит, там, где я грибы на пнях брал, сам Грибич накануне сидел! Славно!»

Святослав теперь во многом помогал Велесдару: собирал сушняк для костра, находил нужные для каждодневного употребления травы и ягоды, лазал за диким мёдом, приносил воду, убирал в хижине и даже понемногу учился доить козу. Его руки крепили, учились справляться со всякой работой, и это вселяло уверенность в себе, даже гордость. «Я уже большой, запросто обхожусь без нянек и слуг, – думал Святослав. – Правду речёт отец Велесдар: чем меньше ты зависишь от других, тем становишься свободнее и сильнее; ты сам управляешь вещами, а не они – тобой...»

Как-то вечером старый волхв сказал:

– Завтра пойдём к кудеснику Хорсославу, надобно сверить, верно ли я рассчитал день прихода Купалы.

– Что же, Хорсослав боле тебя ведаёт? – удивился княжич.

– Каждый человек, если он не лентяй последний, конечно, в чём-то ведаёт больше других. Так и среди нас, кудесников, ведётся – кто какому богу себя посвятил, от него покровительство имеет. Хорсослав – жрец лучезарного Хорса, потому и ведаёт всё о его движении по небесному своду и подземному небу и точно знает, когда наступит самый долгий день, а вместе с ним – и праздник Купалы.

– А тебе, деда, Велес покровительствует, – угадал значение жреческих имён Святослав, – оттого ты и Велесдаром зовёшься?

– Верно, княжич, – подтвердил старик. – При рождении у меня, конечно, было другое имя. Но после обряда посвящения в кудесники каждый волхв получает имя того бога или воплощения, которому будет служить всю оставшуюся жизнь. Ну, давай спать, завтра вставать рано – до Хорсослава почти день пешего хода.

Назавтра солнце встретило их уже в пути.

– У Хорсослава есть ученик, Степко, – рассказывал по дороге старец, – чуток постарше тебя. Как-то, собирая травы в степи, Хорсослав набрёл на едва живого мальчика лет пяти от роду. Захваченный во время набега кочевниками, он улизнул ночью, а может, мать сама спрятала его в лисью нору в надежде, что кто-то спасёт... Легко мог погибнуть в голой степи, но случилось так, что набрёл на него кудесник, он и назвал мальчика Степком. Теперь он Хорсославу и приёмный сын, и ученик, и помощник, смыслённый отрок!

Так, беседуя, шли до полудня. Потом, расположившись в тени деревьев, перекусили, отдохнули и отправились дальше. Уже перед самым закатом неожиданно вышли на простор – лес кончился, дальше начиналась бескрайняя степь. Здесь, на лесной опушке, и стояла избушка Хорсослава. Но в ней никого не оказалось.

– Может, в лес ушли? – предположил Святослав.

– Они на Мольбище, – ответил Велесдар, – сейчас самое время провожать Хорса. Жаль, не поспеем, придётся подождать.

Они уселись на колоду возле кострища, похожего на то, что было на поляне у Велесдара.

Вскоре после захода солнца на утопанной тропинке со стороны степи показалось двое мужей – старший и молодой. Велесдар со Святославом поднялись им навстречу.

Хорсослав был ещё не старым мужем небольшого роста, беловолосым и таким доброжелательным, что, казалось, сам излучал свет. Только в очах была спокойная задумчивость, оттого что он большей частью пребывал мыслями там, в бездонной выси, по которой движет свой огненный воз Хорс-Солнцеводитель.

Степко, худощавый остроносый юноша с густой гривой длинных, как у девочки, волос, ничем не походил на кудесника. Только выражение серых глаз было таким же отрешённым, как и у его наставника.

– Добре, что пришли! – обрадовался Хорсослав. – Непременно, отец Велесдар, покажем твоему ученику и мольбище Хорса, и день прихода Купалы – всё сам увидит. А сейчас пойдёмте, дорогие гости, отдохнёте с дороги.

После дневного похода и сытного ужина Святославу захотелось скорее лечь. Веки отяжелили, голова сама склонялась на грудь.

– Засыпает малец, – заметил Хорсослав. – Степко, отведи его на лаву.

– Мы лучше на сено, пойдёшь? – слегка толкнул Степко Святослава.

– А? Что? Какое сено? – не сразу понял тот.

Но пока шли, пока укладывались под открытым небом на душистой копне, дремота развеялась, и юноши стали разговаривать, расспрашивая друг друга о том о сём, как это ведётся между сверстниками.

– Ты давно обучаешься у отца Велесдара? – спросил Степко.

– Не очень, – неопределённо ответил Святослав. Ему не хотелось признаваться, что он появился в лесу только в этом Яре.

– А я уже восемь лет у Хорсослава постигаю звёздную и солнечную науку. Конечно, мало ещё знаю, но твёрдо решил – буду солнечным жрецом, как отец Хорсослав. На Богояров день, когда в Киев ходили, я от самого Великого Могуна благословение получил. Уже и имя себе для посвящения выбрал – Добросвет. Как тебе, нравится?

– Нравится, – отвечал Святослав. – А сколько надобно учиться, чтоб постичь всю волховскую науку? – поинтересовался он.

– Хм, сказал – всю науку! Да кто ж её всю постигнуть может? Одной человеческой жизни мало, и двух, и трёх... Потому как Хорсослав говорит, что жизнь человеческая супротив Вечности – как искра, промелькнувшая в небе...

– Как же тогда учиться, если жизни не хватит? – воскликнул, приподнимаясь на локте, Святослав.

Степко помолчал, раздумывая, как бы яснее выразить мысль. Ещё раз взглянул на обритую голову Святослава – значит, ученик Велесдара готовится к пути воина. Это подсказало верный образ.

– Ты видел, конечно, как сплетена кольчуга. Что само по себе одно кольцо? – так, безделица. А связанные между собой во множестве, они дают надёжную защиту воину, против меча, стрелы и кинжала устоять могут. Так и я в волховской науке лишь кольцо малое. Но Хорсослав учит меня, а его учил предыдущий волхв, а у того тоже был свой наставник. Все они давно умерли, но я напитаюсь их знаниями, благодаря которым буду помогать людям и которые передам своему ученику. Как звенья в единой цепи. Так всё течёт в Свароговом мире, которому нет предела, потому как кроме наших дней и лет есть ещё День Сварога, и Ночь Сварога, и Месяц, и Год, и Век Сварога...

– А это много? – не понял Святослав.

– Посчитай. Ежели Час Сварога длится около двух тысяч лет нашего времени, то День Сварога – это двадцать четыре тысячи лет, и столько же Ночь...

Святослав молчал, потрясённый. Только теперь он понял, как много знает этот отрок, почти ровесник ему, но по сути уже почти волхв. Непривычно огромные числа и времена, новые понятия, о которых так просто говорил Степко, с трудом переворачивались в голове, подобно тяжёлым камням.

– А как же люди смогли узнать про это? Ведь наши дни по сравнению с этим и вправду песчинки...

– Ты забыл про кольчугу, – напомнил Степко, – в которой каждое кольцо – опыт и жизнь отдельных кудесников и Могунов, звездочётов, жрецов Хорса, Макоши и прочих светил, а всё вместе – Великие Веды... Вот и получается цепь, которая тянется из прошлого в грядущее без перерыва. Каждый волхв – это звено цепи, а вместе они – кольчуга, защищающая тело Руси.

Святослав не заметил, как явь перешла в сон. Он видел над собой то же звёздное небо, к которому ему вдруг страстно захотелось приблизиться. Тело стало невесомым, и он, оттолкнувшись, скользнул вверх, в бархатную синеву, и пошёл прямо по Млечной Стезе, погружая ноги по щиколотку в тёплую звёздную пыль.

Проснулся Святослав оттого, что Степко осторожно, но настойчиво тряс его за плечо:

– Вставай, ты вчера спрашивал... Пока звёзды не ушли, давай пойдём, поглядишь, как они бегут по небесному своду...

Святославу показалось, что он и не спал вовсе – вот только что говорили о вечном, а сейчас, плеснув в лицо холодной воды из корчаги, идут узкой тропкой по предрассветной степи, и над головой всё то же звёздное небо.

Вскоре вышли к большому округлому холму, с вершины которого сбегали какие-то тёмные полосы-дорожки, а на склонах там и сям были вкопаны и разложены камни. Наверху виднелся то ли деревянный столб, то ли кумир. Это всё, что смог разглядеть Святослав при свете тонкого серпа Луны.

Они взошли на холм, и Степко подвёл его к столбу, на котором было закреплено медное кольцо.

– Гляди в него, – велел Степко, – что видишь?

– Звёзды только, – отвечал Святослав.

– Вон ту звезду, что в середине, видишь? Она – что гвоздь, которым весь небесный свод приколочен, всегда на месте стоит, а все остальные вокруг неё движутся.

– Я знаю, знаю, – радостно зашептал Святослав, – мне отец Велесдар рассказывал. Эта звезда называется Стожар, она для всего неба будто главный шест, на который стог смётывают. Она на конце оглобли Малого Воза, а Большой Воз и все прочие звёзды вокруг неё будто лошади на аркане бегают!

– Верно! – тоже обрадованно подтвердил Степко, берясь за кольцо. – Вот, гляди, тут на кольце выступы, рукой пощупай, нашёл? Теперь выбери звезду у края кольца и запомни, у какого она выступа. А сейчас пойдём, покажу тебе, какие ещё есть созвездия. Вон то – Лебедь называется, видишь, на полдень летит, шею вытянул. А это – Рыба, Овен, Корова Земун, от которой по небу растеклось молоко и образовался Млечный Путь. А это... – Степко показывал созвездия, рассказывал, какие из них видны летом, а какие зимой.

– Погляди-ка на звёзды, – спустя какое-то время предложил он, – что изменилось?

– Вроде ничего, – пожал плечами Святослав, – всё как было, разве только бледнеть начали...

– Тогда пойдём к кольцу, проверим!

Святослав встал на прежнее место и увидел, что звёзды сдвинулись, ушли вверх и влево, а Большой Воз, напротив, опустился к земле.

– Насколько сместилась звезда, которую ты запомнил?

– На полвыступа.

– Значит, мы с тобой тут уже почти час находимся, – определил Степко. – Один выступ обозначает два часа. Те звёзды, что в кольце, видны всегда, в любое время года, поэтому по ним легко можно определить время. Это звёздные часы. А когда взойдёт Хорс, то Мольбище превратится в солнечные часы. Тень от столба будет указывать на час, – Степко указал на сбегające вниз дорожки.

В скором приближении рассвета небо стало сереть, созвездия постепенно исчезали, только на востоке ярко переливалась и мерцала зелёным светом звезда Денница.⁵

В это время на тропинке в утреннем сумраке послышались шаги, а затем из начавшего сгущаться утреннего тумана показались фигуры обоих кудесников.

– Здравы будьте, отроки! Что, по звёздам читаете? Молодцы! – похвалил Хорсослав. – Ты уже пояснил нашему другу, как определить Купалин день? – обратился он к Степко.

– Нет ещё, темно было, сейчас покажу. Вот эти камни, – указал он Святославу, – не простые. Они отмечают приход наших великих праздников. Вот это – Яров камень, это – Дажьбожий, Перунов, Ладин. А вот это – Купалин камень, он как раз напротив камня Коляды расположен. Все камни имеют пару, чтоб глядеть с одного на другой.

Степко подвёл Святослава к островерхому валуну и велел:

– Гляди через вершину этого так, чтоб он был в прорези вон того, противоположного...

В свете наступающего утра Святослав увидел, что на Купалином камне не одна, а несколько прорезей-желобков.

⁵ Венера (прим. авт.).

– В которую же смотреть? – спросил он.

– В ту, что посредине. Но обрати внимание, в какой именно из прорезей появится первый солнечный луч. Так что гляди в оба!

Присев у своего и «прицелившись» в камень с желобками, совместив их вместе, будто в упражнении с самострелом, Святослав стал с нетерпением дожидаться первого луча.

Небо над камнем постепенно стало розоветь, набираясь яркости, пока не сделалось багряным. И вот наконец через одну из прорезей левее средней в глаза ударил огненный луч.

– Вижу! Вижу! – возбуждённо воскликнул Святослав.

– Пошли, покажешь...

Все вчетвером подошли к Купалиному камню.

– Вот в этой луч блеснул, – уверенно указал Святослав.

– Так, а в Купальское утро он должен появиться ровно в средней прорези. Тут каждый желобок один день обозначает, выходит, сколько до Купалы осталось? – спросил Хорсослав.

– Выходит, пять дней... – сосчитал княжич.

– Верно, – одобрительно подтвердил кудесник. – Теперь же давайте, друзья, вознесём утреннюю молитву Хорсу, – и кудесник направился к вершине холма.

Восходящее солнце озарило столб с кольцом, через которое они со Степко ночью смотрели на звёзды. Но теперь Святослав увидел вырезанные на нём кола – символы Хорса, ещё какие-то зарубки и знаки.

– Боже наш, Хорс всеблагой и великий! – зычно провозгласил солнечный жрец, и княжич невольно подивился, сколь изменился голос кудесника, будто не бранный человек обращался к светилу, а вечное говорило с вечным. – Не отврати от нас свой золотой Лик и пребудь всегда на небе с возом Твоим, от Зари до Зари по небу стремящимся! – продолжал волхв. – Ты, златорунный, вращающий коло Солнца, дай всему сущему силу и живот долгий, чтобы могли во благе жить, радоваться и Тебя славить!

– Слава Хорсу! – звонко воскликнул Степко, протягивая к солнцу руки.

– Слава! – повторили Велесдар и Святослав. – Вечная слава богам нашим!

На обратном пути Святослав вдруг подумал, что Велесдар, старый и опытный жрец, не мог не знать наступления дня Купалы. Вернее всего, он просто хотел показать мольбище Хорса и его жрецов, познакомить со Степко-Добросветом. Да, Степко сирота, у него кроме Хорсо-слава и ветхой избушки нет ничего и никого – ни слуг, ни терема, ни лошадей, ни роскошной одежды. И всё же он, княжич, завидует Степко – его познаниям, его уверенности в себе и грядущей жизни... «А что, если бы Степко, – предположил Святослав, – жил, как я, в тереме с няньками, дядьками, слугами, охраной и поварами, смог бы он столь многому научиться? Пожалуй, не смог бы, слишком много там, как говорит Велесдар, лишних вещей...»

Проходя мимо Перунова дуба на берегу реки, Святослав живо вспомнил про пояс с золотыми львами и свой кинжал, вспомнил байку Велесдара про «лишнее», и, находясь под впечатлением встречи со жрецами Вечности, он ещё раз мысленно выбросил свой кинжал в воду, но теперь уже безо всякого сожаления.

Дни приготовления к Купале пролетели быстро – не заметили, как и подоспел праздник. Вечером собирались на мовь с особым тщанием. Взяв чистые сменные рубахи, кувшины с квасом и травяным настоем, липовые мочала и два берёзовых веника, направились по тропинке к берегу озера, где стояла крохотная банька. В ней парились по праздникам, изгоняли недуги, также Велесдар вправлял людям позвонки и застарелые вывихи после того, как тело больного размягчалось целебным паром.

Накануне кудесник с отроком поработали на славу: вымыли и выскребли всё дочиста, а Святослав даже убрал вокруг баньки старую траву и сухой камыш.

Войдя в предбанник, остановились. Здесь царил терпкий хвойный и берёзовый дух: Святослав с утра настелил на пол свежих веток, и они пушистым зелёным ковром упруго ходили

под ногами. Через открытую входную дверь и ничем не забранное узкое оконце лучи предзакатного Хорса мягко освещали бревенчатые стены, а из нутра бани дышало горячим сухим теплом.

– Добре! – не удержался старик. – Истинно, сынок, трудом своим и тщанием ты воздал богу Купале честь в день его праздника, молодец!

Святослав был доволен похвалой волхва, однако, как и подобает мужчине, чувств своих не высказал, только шумно вздохнул и начал стаскивать рубаху.

Раздевшись, вошли в баню, где воздух был так разогрет, что даже дышалось с трудом. Сев на лаву, предались неге разогревания тел. Когда покраснелись, старик плеснул из кувшина на раскалённые камни. Настой целебных трав душистым паром поплыл вокруг, вливаясь внутрь при каждом вдохе.

– Тебе, боже, царствующему во всех реках, озёрах и источниках, когда проходит время Яра и Лада и наступает Твой час, нынче творим молитву отдельную! – изрёк волхв.

Набрав в деревянные ковши горячей воды из большого медного котла и, разбавив до нужного из бочки, вылили на себя, ощущая, как ласковое тепло воды обволакивает тела. Когда дышать стало тяжело, зачерпнули студёной воды.

– Слава Тебе, боже Купало! – провозгласил Велесдар. – Очисти тела и души наши от всяческой скверны – от горькой обиды, злобы, ненависти, зависти, разной хвори и немощи. Пусть всё недоброе, что случилось за год, истечёт прочь, как вода при омовении!

– Слава Тебе, Пречистый Купало! – повторил Святослав.

С этими словами они опрокинули на себя студёные ковши. Святослав только крикнул – за время утренних омовений у криницы он уже привык не бояться ледяной купели. Здесь же холодная вода была истинным спасением от проникающего в каждую пору жара.

Затем они долго лежали на лавках, усердно тёрлись мочалами, стегали друг друга берёзовыми вениками, вновь обливались горячей – почти кипящей – водой.

А когда жар и пар в баньке сгустились так, что стало обжигать лёгкие, а тело, казалось, раскалилось докрасна и не помогали никакие обливания из ковша, они, хватая воздух, выскочили наружу и кинулись прямо в упругую гладь озера. Дыхание опять перехватило, но потом стало приятно. Поплавав в прохладной воде, уставшие, вернулись в предбанник и, припадая к кувшину с квасом, утолили великую жажду.

Облачившись в праздничные рубахи, возвращались из бани, не ощущая тела, умиротворённые, невесомые и чистые, как сам лесной воздух или ключевая вода в роднике.

Вернувшись к избушке, Велесдар разворошил огнище посреди поляны, бросил на тлеющие угли мелкий хворост. Затем, поджегши факелы, они со Святославом поднесли их к отдельному кострищу, сложенному высоким конусом из дубовых брёвен.

– Слава Купальскому Огнебогу! – провозгласил волхв.

– Гори-гори ясно, чтобы не погасло! – добавил Святослав.

Закурился дымок, робкое пламя лизнуло пучок сухой травы, затем охватило дрова помельче, и вот священное купальское огнище враз запылало ярко и радостно, вздымая в ночную темень огненные искры.

Старец принёс завернутый в холстину хлеб и кувшин с медовым квасом-сурицей.

– Ведаешь, что это? – спросил он с оттенком торжественной значимости.

– Свежий хлеб? – догадался Святослав, зная, что Велесдар с вечера заквашивал тесто, а утром из печи не только по избушке, но и далеко окрест разносились чудные запахи.

– Это не просто хлеб, а прощенник, – пояснил кудесник. – Нынче мы очищаем не токмо тело, но и души наши, и помыслы. Иначе какая чистота, ежели останется внутри хоть малая толика обиды на ближнего или дальнего, на друга, родственника или вовсе незнакомого человека. Потому помолчим сейчас, вспомним, кого мы со времени прошлого Купалы обидели –

с умыслом или без того, а потом попросим у всех прощения и сами простим обидчиков в этот священный день!

Оба замолчали, погрузившись взглядом в огонь. Через некоторое время, не отрывая взора от пламени, старый волхв заговорил:

– В день Очищения перед ликом самого Купалы прошу прощения у тех, кому не смог помочь или мало помог в лечении. Прошу прощения также у птиц и зверей лесных, коих сгубил для пропитания. У трав и деревьев, коих лишил жизни для изготовления снадобий, для постройки и прочих нужд, – простите меня и примите хлеб-прощенник и медовую сурью через священный Купальский огонь!

С этими словами волхв отломил от хлеба ломоть, положил на угли, плеснул туда же сурицы из жертвенного сосуда и поклонился огню.

– Прошу прощения у княгини Ольги, – продолжал он, обращаясь к пламени, – за то, что отнял от неё любимое чадо на долгий срок, чем причинил боль её материнскому сердцу. Прости меня, мать-княгиня! – вновь поклонился волхв. – И у тебя, отрок Святослав, – повернулся он к княжичу, – прошу прощения, что разлучил тебя с любящей матерью, друзьями, домом, верным пардусом. За непростую жизнь в глухом лесу, за то, что порой излишне строг бываю в учении, за то, что причинял боль, заставляя ходить босиком и обливал холодной водой, не щадя твоих слёз и жалоб! Прости, Святослав, старого волхва и прими из рук моих в знак прощения купальский хлеб и сурью...

Старик отломил от каравае изрядный ломоть, налил в ковш медового квасу и протянул Святославу.

Юноша знал, как ему положено отвечать, но то, что старый мудрый кудесник просил прощения у него, столь юного и глупого, как ему казалось в этот миг, задело душу и растревожило до слёз.

Дома он не раз был свидетелем этого ритуала, знал, что есть такой обычай. Но здесь, сейчас, Велесдар не совершал ритуала – детское сердце сразу бы почувствовало это, – нет, старик просил прощения по-настоящему, всей душой! Все его слова, и боль в них, и раскаяние были настоящими, как всё здесь. Как старый нож с потрескавшейся костяной рукоятью был именно ножом, а не украшением в виде ножа. Как старая избушка, что служит только для жилья, защиты от непогоды и диких зверей, а не для того, чтобы показать, сколь богат её хозяин. Как простая еда на их столе, которая именно еда, а не предмет похвальбы или изобилия, – её не станешь есть, когда сыт, в то время как изысканные яства можно поглощать из-за красивого вида и удивительного вкуса вплоть до обжорства.

Именно сейчас, в этот миг всё, что произошло с ним, слилось воедино, и родилась чёткая и ясная, как Купалин день, мысль: в этой его жизни всё – настоящее, всё – на самом деле!

Голос отрока был хриплым и слегка дрожал, когда он наконец выговорил:

– Я прощаю тебе, отче Велесдар, и перед ликом Купалы говорю, что нет в моей душе и сердце ни малой толики обиды... – Святослав поклонился в ответ на поклон волхва. Потом неожиданно всхлипнул, смахнул слезу и уткнулся головой в плечо кудесника.

– Прости меня, деда, – проговорил он сквозь слёзы, – за мою нерадивость в учении, за дерзость, за спесь, что ранили твоё сердце! За то, что не всегда помогал тебе, считая, что это не моё дело, а больше всего – за глупость мою и непонимание, что и обливание, и хождение босиком, и прочая наука – то всё делал ты для моего же блага. Прости, отче Велесдар, не оставь обиды и прими в знак прощения из рук моих хлеб-прощенник и сурью!

Святослав, повернувшись, отломил и подал старику мякиш, где нет твёрдой корки, и ковш с питьём. При этом руки его подрагивали, а на ресницах поблёскивали слезинки. Впервые в жизни княжич так искренне и глубоко переживал душевное очищение. Поклон учителю был долгим, до тех пор, пока старик не закончил ответное слово о том, что он простил Святослава всем сердцем.

Оба неторопливо стали есть свои прощенники, запивая медовой сурьей.

Потом, по примеру Велесдара, отрок попросил прощения у тех, кто был далеко: у матери, нянек, дворни и всех, кого обидел за этот год. Ломоть хлеба и глоток сурьи передал им через священный огонь. После этого почувствовал ещё большее облегчение.

– Видишь, Святославушка, огонь вверх то на два, то на три языка разделяется? Значит, Купале угодна наша жертва и наши молитвы и до всех, о ком мы просим, дошла наша просьба о прощении. Мы с тобой нынче омылись Купальской водой, съели Прощенники, однако для полного очищения надобно ещё через Купальский огонь пройти.

Святослав знал об этом. И прежде в Киеве, упробив кормильца Асмуда и нянек пойти поглядеть на праздник, он, невзирая на их уговоры и остратки, смело прыгал через кострище, которое разводили волхвы на берегу Непры. Но теперь, после бани, молитв Купале и взаимного прощения, после нескольких глотков медовой сурьи тело казалось вовсе невесомым. Вместе с душой оно играло и пело, радостная безудержная сила рвалась наружу. Разбежавшись, княжич вихрем пронёсся прямо сквозь красно-оранжевые языки, легко и свободно взмыв над кострищем, потом живо развернулся и помчался обратно. Он наслаждался этим волшебным вечером, мовью в бане и озере, воздушной лёгкостью тела и горячими объятиями Купальского пламени, которое словно играло с ним и было совсем не страшным, даже когда задымился край рубахи и слегка обгорели ресницы и чуб.

Нарезвившись и напрыгавшись вдоволь, Святослав, запыхавшийся и счастливый, остановился перед Велесдаром и задорно выкрикнул:

– Деда, теперь твоя очередь!

И тут же спохватился: разве сможет старый кудесник прыгнуть через огонь? Но как же он тогда уважит Купалу?..

– Верно речёшь, Святославушка. Каждому положено огнём купальским очиститься, – поддержал кудесник и, взяв длинную жердину, подошёл к кострищу. Он принялся разгребать кострище, огонь которого поубавился, ветки и сучки прогорели, но от ало пышущих углей шёл ещё нестерпимый жар. Яркие угли снопами искр отвечали на движения старика. Ещё немного – и пышущие жаром угли вытянулись в огненную дорожку, сверкая и переливаясь, будто малиновые звёзды.

Святослав видел освещённое бликами раздуваемых Стрибожьим дыханием углей сосредоточенное и вместе с тем необычайно одухотворённое лицо волхва. Уста старца беззвучно шевелились, он весь внутренне подобрался и будто наполнился светом, и отрок понял, что кудесник беседует с богами.

Велесдар подошёл так близко к огненной тропе, что Святослав забеспокоился, не вспыхнет ли сейчас подол его длинной рубахи. Ведь когда прыгаешь с разбегу, огонь не страшен, а стоять прямо у пылающих углей...

Как бы уловив эту мысль отрока, Велесдар подобрал рубаху и... – у Святослава перехватило дух почище, чем в бане и холодном озере, – от неожиданности он замер с открытым ртом и округлившимися очами. Старик спокойно шагнул прямо в кострище, и его нога по щиколотку погрузилась в раскалённые угли. Но вместо того, чтобы немедленно выдернуть её обратно, Велесдар ступил второй ногой и так, не спеша, прошёл через всю огненную дорожку, поднимая при каждом шаге завихрения из блестящих искр. Преодолев огнедышащий ковёр, он развернулся и вошёл в кострище снова. И опять Святослав не увидел никакого отражения боли на спокойном лице волхва. Старик даже разровнял ногой угли, чтобы было ровнее. «Ой, что ж он творит?! Как такое можно выдержать, на таких углях можно только мясо жарить, а не босые ноги совать!» – поразился Святослав.

Но ещё большее изумление ожидало отрока, когда кудесник, сев на колоду, стряхнул с подошв пепел и прилипшие угольки. Святослав не заметил ни страшных ожогов, которые

неминуемо должен был получить Велесдар, ни даже простейших волдырей. Кожа оставалась такой же сухой и чистой.

– Как ты это делаешь, отче? – выдохнул поражённый Святослав.

– Все мы – дети и внуки богов наших, только в мирской суете забываем об этом. А кудесник должен хотя бы иногда вспоминать. Вот и я нынче, слава Купале, вспомнил... – просто ответил старец.

– А я смогу когда-нибудь так? – зачарованно глядя на волхва, спросил отрок.

Старик внимательно взглянул на него и ответил:

– Почему «когда-нибудь»? Ты сейчас сможешь! Купальское пламя не жжёт того, кто очистился душой и телом, кто чист помыслами. Ступай по огненной стезе, будто по траве шёлковой, и ничего не бойся. – В спокойном голосе волхва было столько уверенности, что вдохновлённый Святослав подошёл к огненной дорожке.

– Слава Купале, богу славянской Чистоты и Здравия! – подбадривая, воскликнул Велесдар.

– Слава Купале! – выдохнул Святослав и, затаив дух, с замершим сердцем помчался по раскалённым углям. То, что он ощутил, поразило его не менее. Угли не только не жгли ноги, но и казались... мягкими. Ошеломлённый отрок, делая мелкие быстрые шажки, пролетел единым духом всю двухсаженную огненную дорожку. Остановившись на зелёной траве, он восторженно воскликнул:

– Отче, Купальский огонь и взаправду не сжигает мои ноги!

И побежал обратно.

Окрылённый Святослав раз пять промчался туда-сюда через огненную тропу, прежде чем насладился своей победой над Огнебогом и получил на память небольшой ожог, когда захотел, подобно Велесдару, неторопливо прогуляться по углям.

Назавтра поднялись рано, едва Заря уронила на луга свои росистые перлы. Управившись по хозяйству, взяли большую холщёвую суму для трав, берестяное лукошко для ягод, кое-что из еды и углубились в лес, который неумолчно шумел могучими кронами сразу за небольшой избушкой волхва.

– Нельзя драгоценный час терять, Купало нас не простит, ежели поленимся, – говорил Велесдар.

– А отчего именно сейчас травы собирать надо? – полюбопытствовал Святослав.

– Не только сейчас. Как только сойдёт снег, насытится земля духом ярилиным, а Стрибожии ветры просушат её, и всякий злак пойдёт в рост, а в лесу закипит бурная жизнь насекомых и птиц, тогда уходим мы, кудесники, в леса и поля собирать Яров цвет. Но больше всего, конечно, зелья родит на Купалу, вернее, в купальскую седмицу – последнюю седмицу месяца Червеня. Тогда всякие коренья, душистые цветы и листья собираем, потому как в эти дни в них содержится самая великая лечебная сила.

Святослав вспомнил, как теремные девки рассказывали про волшебный цветок Папороти, который цветёт только в один день, именно на Купалу, и отцветает в одночасье, так что надобно его успеть сорвать, и тогда он укажет клады великие.

– Деда, а ты ходил в Купалину ночь за Жар-Цвет-Папоротью?

– Не ходил, – отвечал старик, став на колени и осторожными движениями рук очищая торчащий из-под прошлогодней листвы тугой стебель. – Тот цвет ищут кладоискатели, а мне он ни к чему, зачем мне те деньги, пенязи? Всё, что надо, под рукой имею, ни овец, ни коров покупать не собираюсь, нам вон с тобой и Белки хватает. Травы насобираем, в пучки свяжем, под балкой высушим. А потом огнищане из селений придут, люди из Киева приедут, мы им снадобьями и поможем. Что принесут – на том спасибо, а принудительной платы за лечение

брать нельзя, потому как нам боги веды и здоровье, растения, воду, воздух, солнечный свет и само житие бесплатно дают...

– А что за цветок ты сейчас берёшь?

– Это златоцвет, от лихой простуды, трясучки и злой немощи помогает. А вот этот, – старик вынул из сумы ранее собранный пучок, – молочальник, добрый заговорный цвет на кровь-руду.

Пройдя ещё немного, спустились на небольшой луг у реки.

– Гляди, златотысячник! – Велесдар указал на густоопушенные рыжими волосками кустики травы с жёлтыми, похожими на мотыльков цветами. – Он от сердечной боли помогает, от отёчности избавляет, кровь останавливает, от худого сухотного кашля первый помощник. А ну-ка, сынок, сотвори молитву, как я тебя учил, и аккуратно при самой земле срежь костяным ножом – травы железа не любят. Сам его сушить будешь, потом и снадобье сделаешь, покажу как, рука у тебя детская, лёгкая, к тому же Купалой очищенная.

– Скажи, отче Велесдар, – обратился отрок к учителю, когда они отправились дальше, – много ли есть целебных трав из тех, что растут в лесу и в степи?

– Мудрёный ты задал вопрос, – приостановился волхв. – Того, пожалуй, кроме бога Травича никто и не ведаёт. По сути говоря, такой травы, чтобы вовсе бесполезная была, и не сыскать...

– Как же, ты ведь сам говорил, что есть много ядовитых трав, от которых умереть можно!

– Верно, только и ядовитая трава, которую есть, конечно, нельзя, может быть незамеченной при многих человеческих хворях – можно в ней руки-ноги парить, примочки делать, поясницу растирать. Вот, к примеру, эта зелёная травка с резными листочками, что на сломе оранжевый сок выделяет и на вкус горькая-прегорькая, – она зовётся чистец. Эта трава весьма ядовита, но ежели кожу человека какая мерзкая язва или чесотка поражает, то без этой ядовитой травки её не одолеть. А ежели отвар её осторожно, считанными каплями внутрь принимать, то и от многих смертельных болезней спасти может.

Беседуя, они стали подниматься вверх по пологому склону, который весь был покрыт весёлыми белоствольными берёзами. Рощица будто светилась, пронизанная солнечными лучами и наполненная птичьим щебетом.

Старик невольно замедлил шаг, любуясь светлой красой молодой рощи. Его морщинистая рука нежно коснулась белого ствола.

– Хороша берёзка! Стройна, крепка, а как красива она в Яре своей внешней зеленью! Но не только красотой берёза славится. Из листьев её отвар настаивают и пьют от лихоманки, а отвар почек при болях в животе помогает. Опять же берёзовой корой даже сырые дрова разжечь можно, столь жарко горит она. А проварить – так и пиши на берестяных листах письмо или туески с кузовками для ягод плети.

– А мне пасока берёзовая шибко нравится, вкусная, сладкая! – подхватил Святослав.

– Только сок брать можно без вреда для дерева, ежели ему не менее двух десятков лет, – пояснил старик, зорко осматриваясь вокруг. – Ага, вот, поди сюда! – позвал мальчика, отступив шага на три и присев. – Вот травка малая, незаметная вовсе, а ежели человек глазами болеет, то травку эту должен с молитвой собрать, сделать отвар и промыть очи, и будет тогда здоров, ибо эта трава – очанка – изводит своей силой всякую глазную болезнь и возвращает здоровье по воле бога Травича, за что мы и посылаем ему благодарствие. Можно и просто приходить сюда на Заре и умывать очи росой с этой травы.

– Выходит, если знать про все травы и деревья, то любую хворь одолеть можно? – с горящими любопытством очами спросил отрок.

– Одолеть-то можно, – согласился старик, – только чтоб силу травы сохранить, многое знать надобно: какие части её целебными являются – цветок, корень или лист, а порой у цветка и корня совсем разные свойства, даже на одной траве. Потом, надо знать время, когда он наи-

большую силу имеет супротив этой болезни, ведь одна и та же трава, в разное время взятая, может разные болезни лечить...

– А что ещё? – не утерпел Святослав.

– А ещё ты сам должен быть чистым в делах своих и помыслах, быть сыном Земли и Солнца, как деревья, кусты и травы, ими взращённые.

– Разве бывает по-иному? – тихо спросил отрок.

– Как же, всяко бывает, сынок. Человеком может владеть жадность, корысть, зависть – а это тоже силы могучие, чернобожи. И они действие травы во вред могут направить. Поэтому перед тем, как сорвать лист или срезать растение, обратись с молитвой к былинке, кусту или дереву, к богам Травичу, Листвичу, Цветичу с добрым намереньем, чтоб не уменьшилась чудодейственная сила тех трав, а вся перешла в снадобье, которое ты сделаешь для изгнания злого недуга.

До самого полудня ходили Велесдар с отроком по лесным полянам и лужайкам. Старик терпеливо пояснял княжичу, какая трава от какой хвори, а потом просил повторить изученное.

Наконец сели отдохнуть и перекусить.

– Отче Велесдар, ты так много ходишь, трудно небось? – с некоторым беспокойством спросил Святослав, глядя на тяжело дышащего старца. – Я вон и то устал, а тебе больше отдыхать надо, силы беречь...

Велесдар улыбнулся в свои белые усы, огладил длинную бороду.

– Именно потому, что стар, нельзя мне много отдыхать.

– Как так нельзя? – удивился Святослав.

– А так, Святославушка, что молодой может три дня проваляться на сеновале – и ничего, а я после такого безделья занедужить могу. Стар я, сердце у меня уже слабое, и ему нельзя давать большой перерыв в работе, потому что, выбившись из прежней колеи, вернуться в неё будет стоять большого труда. Прошлой зимой несколько дней мела жуткая метель, пришлось в избушке безвылазно сидеть. А потом я не только быстро ходить – дышать в полную грудь не мог, сердце начинало болеть. Так что нельзя мне, сынок, без ходьбы. Топор без работы ржавеет, так и моё старое тело ежедневного упражнения требует, в меру, конечно, но ежедневного... Ну вот, отдохнули, пойдём, Святославушка, дальше лесные чудеса познавать! – И две фигуры вновь двинулись по звериной тропе, скоро затерявшись среди зелени.

Однажды, когда Святослав возвращался из леса с пучком трав, он немного оплошал и вышел не к тропке, что вела напрямик к избушке, а чуток одесную, как раз к зарослям колючего терновника. После прогулки по лесу так хотелось есть, а запах от котелка с варевом, что находился совсем близко, так манил, что голодный отрок решил идти напрямую через терновник по едва заметной тропе, протоптанной, скорее всего, дикими кабанами. Едва сделав первые два шага, он запутался рубахой в острых колючках, пришлось снять её. Святослав осторожно продирался сквозь колючий кустарник. Острые шипы больно царапали кожу, но душистый запах варева, навеваемый ветерком, заставлял терпеть, тем более что будущему воину не престало бояться боли. Вдруг совсем рядом что-то зашуршало в траве. Может, кабан? Отрок со страху рванулся вперёд, стремглав пролетев остаток колючей тропы, и только у самого кострища узрел тонкие струйки алой крови, что сочились из расцарапанного тела, и почувствовал, как больно жжёт каждая кровоточащая ранка. На глаза навернулись предательские слёзы, совсем не подходящие настоящему воину, и от этого сделалось ещё обиднее.

– Эге, брат, да ты никак с волком серым повздорил! – Старый волхв говорил серьёзным тоном, пряча улыбку в белую бороду. – Давай-ка я раны твои мазью смажу...

– Я в терновнике оцарапался, – морщась от боли, пока старик смазывал ему раны, сердито обронил Святослав.

Когда пообедали и сидели подле огнища на широких колодах, Велесдар вновь вспомнил про терновник. Сидя с прикрытыми очами лицом к солнцу, волхв чуть покачивался, будто плыл на невидимой лодии.

– Видишь, запоматовав я про терновник, а он тут как тут, про себя напомнил. Он многой премудрости научить может...

– Какой премудрости, дедушка?

– А такой, чтоб ни зверь лесной, ни остря вражеских клинков не могли тебе вреда причинить.

– Не уразуметь мне, деда Велесдар, при чём зверь лесной да клинки до терновника?

– А при том, что и зверь лесной, и терновник, и неприятели – все чуют, когда человек боится. И тогда уж несдобровать ему, быть битому, поцарапанному и поверженному. Потому как только затянутся твои раны, начнём постигать науку бесстрашия. Без той науки не быть воину, не быть князю Руси Великой, не быть просто славянину, следующему тропой Прави.

«Понятное дело, – думал Святослав, – враг и зверь лесной чуют, когда страх во мне, а как же терновник, разве он тоже разумеет, боюсь я или нет?» Отрок не торопился всё выспросить у старого волхва, потому что тот уже научил его: прежде чем спросить о чём-либо, нужно постараться разобраться самому. В первые дни пребывания в Кудесном лесу часто в ответ на вопрос ученика старый волхв отвечал вопросом: «А ты сам как думаешь?»

Утро выдалось туманным, серая мгла запуталась в кустах и заволокла ложбины. Святослав стоял перед тропкой, что вела сквозь терновник, в нерешительности. Следы от первой пробежки сквозь колючий кустарник едва сошли, и не верилось, что можно преодолеть его без новых кровавых отметин. Но показать стоящему подле деду Велесдару свой страх княжич не мог, уж лучше пусть снова царапины и боль, чем позор. Он сделал несколько не очень твёрдых шагов в направлении колючей тропы.

– Стой! – Оклик волхва прозвучал в тот миг, когда первые остря шипов только коснулись тела. – Не годится так! – Голос старого кудесника был строг. – Ты кого обхитрить собрался, терновник или себя? Мы не греки и не хазары, хитрость нам не к лицу. – Кудесник воздел руки, постоял так, глядя в сваргу, и отрок с изумлением увидел, как небо над их головами прояснилось, хотя вокруг по-прежнему было хмуро и сыро. – Мы не имеем страха, потому что мы дети и внуки богов светлых, коих славим от века до века! И течёт к нам от богов наших сила немереная, и нет той силы сильнее! – Слова Велесдара рокотали, будто отзвуки грома, а из очей, казалось, струился свет.

Старый волхв снял рубаху и двинулся напрямик через терновник, как будто шёл через свой огород подле избушки. Святослав сразу вспомнил огненную тропу в Купальский день, когда он пробежал по ней легко и невесомо, не страшась Огнебога. Слова и пример кудесника как тогда, так и сейчас воспламенили в сердце юного княжича какой-то чудный огонь. Огонь этот был так силён, что сжёг без остатка и страх перед терновыми шипами, и внутреннюю неуверенность. Гордая сила богов, которую призвал старый кудесник, подхватила его и легко понесла сквозь кустарник. Он чувствовал, как скользят острые шипы по телу, но ни боли, ни страха не было вовсе. А когда, пройдя сквозь колючий частокол, взглянул на своё тело, то с удивлением обнаружил, что на нём нет ни единого кровоподтёка или ссадины, только лёгкие, едва заметные царапины. Старый кудесник стоял подле, и глаза его сияли радостью за ученика.

Потом у Святослава ещё не раз были кровавые следы от пробежек сквозь терновник, но он знал, что, собрав волю и приобщившись к силе богов, можно пройти эту тропу невредимым. И это со временем стало получаться всё чаще и чаще. Когда же случались царапины, Святослав понимал – терновник просто даёт знак, что он где-то оплошал, не вполне собрался с духом и мыслями, и княжич благодарил его за науку.

Глава четвёртая

Криница прошлого

Сидя на бревне и держа в руках дощечку, покрытую воском, Святослав корпел над письменами. Покусывая кончик костяного стила, он долго раздумывал, прежде чем вывести слово.

– Видишь, – говорил Велесдар, – варяжской речи и письму рунами тебя Асмуд и Свенельд научили, это хорошо, поскольку ты из рода Рурикова, но мать твоя – словенка, и править ты будешь Русью, потому русские письмена должен знать как свои пять пальцев!

Старик принёс несколько свёрнутых кож. Когда развернул, там оказались ряды букв, и отец Велесдар стал показывать, как писались те или иные знаки раньше и как они пишутся теперь.

– Слово для человека имеет великую силу, – поучал кудесник. – Им можно ободрить унылого, излечить немощного, а можно и здорового ввергнуть в смертную тоску и даже убить. С древнейших времён люди передавали друг другу знания изустным словом. Человеческая жизнь коротка, но память Рода вечна. И текут сказания и былины от прадавних Пращуров к правнукам, а от них – к грядущим потомкам, как река полноводная. Но на земле случаются войны, пожары, землетрясения, иные беды, в которых может погибнуть целый народ, и некому будет передать зёрна накопленных знаний и опыта. И потому Велес-бог открыл русам чаровные знаки, с помощью которых слова можно записать и сохранить знания на многие века. Потому издавна кудесники ведут летописание о временах и событиях, повествующих, кто мы есть и откуда. В письменах хранятся Свароговы законы, звёздные науки, премудрости лечения людей и животных, секреты трав, варения зелий, заговоры и многое-многое другое. Без сих письмен стали бы мы безродным племенем, пустым, как перекаати-поле...

– А о чём тут писано? – осторожно касаясь других свитков, спросил Святослав.

– Сие повествование о том, как жили наши предки в глубокую старину, с кем сражались, в какие земли переселялись.

– Деда Велесдар, почитай мне! – Глаза отрока загорелись голубыми огоньками пытливости.

– Почитать-то можно, – ответил волхв, – да не уразумеешь ты. Эти древние письмена писались так давно, что кроме нас, кудесников, никто их не прочтёт и не растолкует – язык с тех пор изменился, и знаки. А есть ещё более древние писания, которые хранятся у Великого Могуну, и только сам Могун да ещё несколько кудесников на всей Руси их читать умеют.

– И ты тоже, деда Велесдар? – не унимал любопытства отрок.

– И я. Жрецу Велеса, бога Мудрости, по чину положено все премудрости знать, в том числе и чаровными знаками ведать. Я про древнее хотел с тобой позже речь вести, но если у тебя возникло желание...

– Возникло, отче, весьма сильное желание! – не унимался Святослав. – Почитай и растолкуй мне древние книги!

– Почитать? – Старик призадумался. – Нет, – поднял он палец, – лучше покажу. Не всё, конечно, но кое-что из написанного тут, – Велесдар обвёл рукой свитки, – сам увидишь...

– Где увижу? – не понял отрок.

– В зеркале времён, – загадочно ответил старик и больше об этом не говорил.

Назавтра утром, отправившись с волхвом на мовь и уже привычно побряхтев и побегав после ледяной купели, Святослав надел рубаху и спросил:

– Мы пойдём нынче смотреть праздник богов?

– Нет, княжич. С сего утра, как я и обещал, буду открывать тебе прошлое Руси. А оно во многом тяжкое, так что будь готов к неприятному и даже страшному. Далеко не всё сейчас

твой детский разум объять сможет, но всё это останется в памяти и будет осмысливаться по мере взросления...

Старик опустил на колени перед чистой криницей и стал шептать в её холодное глубокое нутро, в котором ещё отражался ущербный месяц:

– Ты, Живая Вода, текущая через Вечность, и ты, Месяц, исчисляющий время, текущее, как вода! Вы – соратники Числобога, ведущего счёт великим и малым числам Яви, вы – понизывающие всё сущее, проливающиеся с небес и истекающие из земных недр, к вам обращаюсь я на пороге грядущего дня и уходящей ночи: откройте юному княжичу неведомое, дайте зреть течение прошлого!

Велесдар простёр руки над источником и сделал несколько круговых движений противосолонь – как бы протирая водяное зеркало.

– Гляди! – велел он отроку.

Святослав с внутренним трепетом и волнением заглянул в тёмную чашу родника. Вначале он ничего не увидел, только отражение бледной утренней Луны и исчезающих с небосклона звёзд.

– Хорошо гляди, княжич! – негромко, но повелительно прозвучал во второй раз голос волхва.

Святослав прикипел очами к поверхности, подёрнутой сине-золотой плёнкой отражённого неба, и ему показалось, что Луна и звёзды стали более чёткими и ясными. И тут отрок обнаружил, что Луна в кринице отражается дважды.

– Деда! – изумлённо прошептал он. – Отчего в кринице две Луны?

– Когда-то немыслимо давно, много тысячелетий тому назад, над Землёй восходили две Луны, сынок!

Только теперь Святослав заметил, что в роднике отражается не их небо, а совсем другое. Там, в глубине, была чудная картина рассвета, возжигающего пурпурную зарю над незнакомым морским побережьем.

Синие волны тёплого моря накатывались на берег, а дальше, среди зелени, были видны красивые и прочные строения. У причалов теснились большие парусно-гребные ладьи с изображением на парусах Солнца либо звёздного неба с двумя Лунами. Серая лента дороги вела дальше к градам, окружённым полями, садами и цветущими рощами. А ещё дальше, в голубой утренней дымке, угадывалась вершина горы.

– Что это за дивная земля? – тихо спросил Святослав.

– Это очень давняя прародина наших предков, – так же тихо отвечал Велесдар. – Эта страна была на полуночи, где теперь плещут ледяные волны студёных морей...

– Её больше нет? – с тревогой в голосе спросил Святослав, вглядываясь в дивное отображение.

– Её нет очень давно. Одна из Лун однажды упала на Землю, моря-океаны вышли из берегов и погубили многие страны, в том числе и обиталище пращуров. От того невиданного удара содрогнулась до самых недр Земля и сдвинулась с места. Там, где было тепло, стало студёно, а на месте полуночи стал полдень...

Отражение в кринице как бы подёрнулось рябью, потемнело, и чудная страна исчезла. Только огромный огненный шар, похожий на раскалённое солнце, мчался среди темени из небесных глубин. Страшной силы грохот сотряс воздух, когда раскалённый шар врезался в океанские волны, будто одновременно ударили тысячи перуновых громов и молний. Невиданные тучи огня и пара поднялись ввысь, земная твердь разверзлась, на миг обнажив океанское дно, а в следующее мгновение всё исчезло в кипении вселенского буридея. Громадные водяные валы пошли по океанскому простору, сметая на своём пути малые и большие острова, топя суда, разнося в щепки целые грады. Земная твердь колебалась и лопалась, извергая из чрева огнедышащих змеев, и расплавленные камни текли жаркими огненными реками. Голубое небо

затянули чёрные тучи пепла, гари и пыли. Ураганные ветры и вихри невероятной силы полетели над землёй, довершая разрушения. Жуткие потоки воды, смешанной с земным прахом, обрушились на содрogaющуюся твердь, и вода в реках стала как кровь.

Отрок отпрянул от криницы и закрыл очи ладонями.

Старик погладил мальчика по голове.

– Страшно, Святославушка? – Княжич только кивнул. – Привыкай к Яви, какова она есть. То только в детских сказках море-окиян всегда ласковое, а Стрибог добрый. За порогом материнского терема жизнь сурова, сынок. Ну, ладно, хватит на сегодня, завтра продолжим. А за Пращуров не переживай, спаслись они, выжили. Пойдём теперь, письмам поучимся, чтению и сонму богов наших – мужских и женских.

– Деда, – уже поздно вечером, ложась спать, спросил Святослав, – а как же сумели Пращуры спастись от такой гибели?

– А потому спаслись, что боги наши ещё живы были – и Сварог, и Перун, и Звездич, и Велес, Ладо, Дажьбог и прочие. Конечно, не те первые боги, что весь свет сотворили, а дети их, что также носили имена своих отцов и правили нашими родами. И когда затряслась земля, велели боги пращурам сесть в большие лады, взять с собой запас провизии, молодых жеребят, коров, овец и выйти в открытое море. Так и спаслись Пращуры, а земля их погибла вместе с теми, кто остался, не захотев покинуть свой дом и добро.

– Что же случилось потом? – не мог унять любопытства княжич.

– А про это мы с тобой завтра узнаем, – улыбнулся старик, заботливо укрывая мальчика, – а сейчас надо спать!

Назавтра впервые случилось так, что Святослав поднялся первым задолго до зари.

– Деда Велесдар! – услышал старик и почувствовал, как отрок настойчиво тербит его за рукав. – Вставай! Ты обещал показать, что было дальше!

После мови они вновь склонились к роднику, и кудесник обратился к нему со словами-просьбой показать прошлое.

Душа Святослава трепетала вслед произносимым заклинаниям и ожидала продолжения пусть страшных, но чудесных видений.

Едва Велесдар провёл руками над криницей, как тотчас предстало чёткое и ясное видение. Корабли-ладьи с изорванными парусами стояли, вмерзая в лёд, под свинцовым небом. Усталые измученные люди брели по заснеженной равнине, кутаясь в шкуры, гоня перед собой жалкие остатки домашнего скота, такого же исхудавшего и измождённого в злключениях. Ещё недавно родные берега и тёплое море оставались за спиной, превратившись в ледяную безжизненную пустыню.

Святослав видел, как беспощадны стужа и голод, от которых легко погибают слабые и одинокие. Выживали только те, кто держался вместе и помогал друг другу.

– То были страшные времена, – говорил Велесдар, – в которых богов уже не было с людьми, и многое утерялось и забылось из прежних знаний.

– Куда же боги делись?

– Умерли от старости, они ведь были последними из богов, и от людей уже ничем не отличались, кроме мудрости да высокого роста.

Отражение поблекло и растаяло. Прошло, наверное, много сотен или даже тысяч лет.

– Сейчас мы с тобой, подобно птицам-соколам, увидим с высоты те земли, на которых поселились потомки Пращуров, спасшихся после страшной беды, – проговорил волхв. Он прикоснулся концами перстов к челу и глазам Святослава, и они вновь обратились к кринице. Там, будто под крылом птиц, летящих на огромной высоте, простёрлись реки, моря, равнины и горы.

– Как называются эти моря?

– То, что побольше – Зелёное море, дальше – Русское море, а рядом с ним поменьше – Синее. Прежде русы жили на его берегах, и царь Сварог плавал по Русскому морю через Вели-

кую Протоку аж до Египета и других полуденных стран. И были земли русов от Синего моря до Студёного, от Дуная и Западной Дивуны на заходе, до Ра-реки, Дона и Камень-гор на восходе. А некоторые роды и вовсе ушли в далёкую Индику, Семиречье, Междуречье и другие неведомые страны.

Святославу казалось, будто они плывут под самыми облаками, а внизу раскинулись полноводные реки, густые леса, вольные степи и зеленотравные луга, где жили Пращуры много веков назад, гоняя тучные стада и возделывая нивы.

– Вот наша родная Непра-река, а там Буг святой, Истра стремительная, Дон-батюшка, Ра-река великая...

– Как красиво! – восторженно шептал Святослав, глядя на плывущие внизу благодатные просторы.

– Красиво, – с грустью в голосе сказал Велесдар, – только было так давно. А нынче Русское и Синее моря отошли от Руси, греки-византийцы на них хозяйничают, и море Русское нарекают Евксинопонтом. Великая Ра-река-матушка и Дон-батюшка лежат в хазарских пределах. Поят из неё скот и пьют воду хазары, койсоги, яссы, волжские болгары и прочие кочевые народы, которые рек не почитают и святости их не понимают. На Дунае другие болгары сидят, на Лабе – готы, только Непра с Нестрой у нас, почитай, и остались...

– Отчего ж так? – вскинул брови отрок. – Ежели то были наши земли, надобно их вернуть, так будет по праву!

– Соколик ты мой! – погладил его Велесдар по бритой загорелой макушке. – Погоди про такие дела думать. Давай лучше далее поглядим...

Густая пыль заклубилась над знойной степью, сопровождая несметное войско всадников, едущих на конях и верблюдах, и пеших ратников странного вида – черноволосых, чернооких, с бородами, заплетёнными в косички, в пёстрых кафтанах, а на головах – войлочные шапки, похожие на печные горшки.

Изнывая под палящим солнцем, тянутся вереницы рабов – светловолосых и голубоглазых мужчин, женщин и отроков. Тех, кто отстаёт или спотыкается, «горшкоголовые» бьют тяжёлыми длинными бичами. Вконец измождённых добивают либо просто бросают на пыльной раскалённой равнине, где поблизости рыщут почуявшие лёгкую добычу гиены.

– Что это? – сдавленно проговорил Святослав.

– Это воины царя Набсура гонят в жаркий Египет и Вавилон пленных русов. Великая часть Руси тогда была подчинена Набсуру...

– Отчего ж так вышло? – дрожащим от волнения и возмущения голосом спросил княжич.

– Оттого, что не было тогда лада на Руси. Помнишь, я рассказывал байку про Усилу Доброго? В те времена начались распри и войны между родами, ослабла Русь, и пришли тогда злые вайлы, убили вождей, захватили людей наших в плен и увели в страшное рабство.⁶

Святослав отвернулся. Ему было обидно и больно смотреть на позор пращуров.

– Гляди, княжич, и запоминай горький урок! – сказал волхв.

Святослав повернул голову и посмотрел в криницу.

По широкой степи вновь двигалось войско, которому, казалось, не было ни конца, ни края. Впереди на тонконогом коне, в шёлковых одеждах, окружённый многочисленной свитой, гордо ехал военачальник с надменным взглядом чёрных очей.

– Это персидский царь Кир, – пояснил Велесдар. – Он уже разбил передовые войска русов и теперь жаждет покончить с остальными силами. Но главной сечи не будет, – ответил кудесник на вопросительный взгляд княжича, – русы небольшими отрядами будут нападать на врага то с одной, то с другой стороны, днём и ночью делать вылазки в стан неприятеля, уводя

⁶ Персы, вавилоняне (прим. авт.).

лошадей, сжигая шатры, круша обозы, изматывая и обессиливая противника. В одном из таких дерзких набегов будет схвачен сам Кир с несколькими военачальниками.

Святослав увидел понуро стоящих персов в изорванной одежде. Два дюжих руса, вооружённых медными мечами, подвели Кира к невысокой, по сравнению с остальными воинами, женщине в доспехах, со строгим лицом и уверенной осанкой, чем-то напоминавшей княжичу его мать.

Она произнесла несколько чётких и коротких фраз. Кир после того, как ему перевели слова предводительницы русов, резко вскинул голову, и в его очах блеснули безграничная ненависть и тоска.

Изображение зарябило и исчезло.

– Что это за женщина и что было потом? – обратился княжич к волхву взволнованный лик.

– Это Мать-Сиромахова, вдова прежнего царя Маха, которая стала предводительницей в те тяжкие времена. Вначале Кир хотел, чтобы она вышла за него замуж, а когда она отвергла предложение, пошёл войной. Персы убили сына Матери-Сиромахи Винамира. И она велела в отместку казнить всех пленных персов, а их кровью напоить Кира допьяна, а потом снять ему голову, чтоб впредь вайлы не зарились на чужие земли. Лишившись своих военачальников и царя, измотанные и обескровленные, персы были вынуждены уйти.

– Они больше не приходили? – спросил отрок.

– Приходили, под рукой уже нового царя Персиды – Дария. Слишком уж лакомым куском были наши края, да и помнили они о той первой победе, когда захватили столько рабов... Но к приходу Дария наши люди приготовились основательнее. Нападали на врага небольшими стремительными отрядами, засыпали в степи колодцы по пути движения персидского войска или бросали в них трупы животных. В то же время на полуночи собиралась большая рать. Шли на помощь сербы, шли славутане с широкой Непры, шли люди с Карпат-горы, с Голуни и других мест.

– И они отразили персов? – забежал с вопросом наперёд Святослав.

– Гляди, – вновь кивнул в кринуцу Велесдар.

Перед их взором двигалось войско Дария.

Сосредоточенные лица воинов, огромные обозы. Конные дремлют в сёдлах, пешие идут тяжёлым медленным шагом. Хотя ни ясным днём, ни тёмной ночью нет им покоя от внезапных атак и метких стрел варваров, тут же уносящихся прочь на своих быстрых низкорослых лошадах; хотя высохла вся трава, отравлены источники, а люди и животные гибнут сотнями, но неумолимо стремится вперёд Дарий, объявивший себя новым владыкой Вселенной.

Справа в колышущемся от зноя воздухе поднимаются клубы пыли. Опять атака степных варваров? Военачальники дают приказ готовиться к схватке. Но что это? Пыль не серая, а какая-то белесая. В небо с тревожными криками взлетают птицы, а вскоре, не боясь людей, навстречу живой лавиной мчатся степные звери: сайгаки и туры, корсаки и волки, вместе с ними скачут зайцы, бьют крыльями дрофы и стрепеты, рыжими молниями мелькают лисицы. Это не пыль, а дым! Горит степь, и ветер дует прямо в лицо!

Против такого врага бессильны меткие стрелы, острые копья и мечи, щиты и палицы – эта мысль доходит до каждого. Лошади взвывают на дыбы, испуганно ржут и поворачивают вспять, не слушаясь всадников. Кричат перепуганные ослы и верблюды, в сутолоке сцепляются обозные телеги. Огромное войско разворачивается, и начинается бегство, гонка с огненной смертью, несущейся по пятам на быстрых крыльях ветра.

Когда проходит вал огня, на ошалевших обожженных персов обрушиваются тьмы русов, и начинается сеча.

– Матерь-Сва с нами! Слава Индре-Перуну! – загремели боевые кличи русов. По дымящейся степи они помчались на врага, и теперь это был уже не набег одного-двух полков,

а выстроенные боевым порядком крылья конницы, за которыми, сверкая медными наконечниками копий, двигались пешие рати.

Жуткая кровавая сеча закипела средь выжженной полуденной степи. Падали в пепел пришедшие за добычей и рабами персы, падали, осенённые лучами златокудрого Хорса, русы, в последний раз обнимая горячую землю. Чёрный пепел вихрился над полем битвы, перемешанный с серой пылью, и белесый дым стлался над степными просторами, заволакивая зеркало криницы. Вскоре там уже ничего нельзя было разглядеть.

– Мать-Сиромахова к тому времени уже стара была, но дельным советом помогала новому вождю – Кнышу. Дарий бежал, земля осталась за пращурами. Больше персы на нас не хаживали. А потом иранцы и вовсе стали в дружбе с нами, – заключил отец Велесдар. – Ну, хватит на сегодня, пойдём-ка, рыбы в озере добудем да юшки на обед сварим.

– Выходит, деда, Пращуры наши давно в этих местах живут? – спросил Святослав по пути к озеру.

– С самых прадавних времён, – отвечал Велесдар. – Только называли их в разные времена по-разному. Когда ещё Великая Стужа была, наши Пращуры, защищаясь от ветра и холода, носили бараньи жупаны с высокими воротниками-комырями, за то их и прозвали Комыри или Киморы. Потом, когда с греками торг вели, продавали скот, который в древности «скут» назывался. А греки по-своему произносили «скуфь», а Пращуров прозвали «скуфами» или «скифами», то есть «скотоводами», а их высокие бараньи шапки «скуфьями». А когда они на священной Рай-реке жили, то назывались Орайцами или арийцами. Те племена, которыми Мать-Сиромаха правила, получили название «сиромахи» или «сириматы». По месту обитания многие племена назывались – древляне, которые в лесах жили, поляне – в полях, дрягова – в болотах, сиверцы – на полуночи. А также по виду занятий – вены, оттого, что вено венили, то есть снопы вязали; серпы – тоже хлебоборы, которые серпами жали; рыбоеды в основном рыбой питались; млекане – молоком; будины грады деревянные искусно строить-будовать умели. Тавры быков разводили; костобокие прославились тем, что первыми научились делать костяные панцири, и много всяких других было племён. Однако все они себя Славяно-Русами называли, оттого что богов своих славили, по цвету волос все русыми в те времена были и с другими племенами не смешивались. Потом, правда, смешения начались – с оланцами-ланями смешались, получились русо-лани, с древними кельтами – венды, с иранцами – иреи. А нынче уже тех смешений не перечесть – войны, походы, переселения – всё оставляло след в русских родах.

– Ты говорил, – снимая рубаху, чтобы залезть в воду, продолжал Святослав, – что русы аж в Индику ходили?

– Ходили, и в Индику, и в Иран, и в Сирию, и дальше на заход переселялись. Среди них был и род праотца нашего Ория с сыновьями, но про то я тебе завтра расскажу. Давай бери острогу да высматривай рыбу, что пожирнее...

Назавтра Святослав проснулся с радостным предвкушением продолжения чудных видений. В охотку совершил утреннее омовение, поупражнялся в подражании ходьбе и бегу разных зверей и, наполнившись ожиданием, присел у криницы, где Велесдар уже творил заговорную молитву на воду.

И вновь предстало видение.

Седой, но ещё крепкий старик и вместе с ним трое рослых юношей стояли у подножия высоких гор, глядя на зелёные благодатные долины, на которых паслись стада и отары.

– Многие лета, – сказал старик, – водил я племена наши в поисках благодатных земель. Ходили мы через горы Кавказийские, через пески многие, в края неведомые, но нигде не обрели покоя. Чужие племена вставали на нашем пути, голод, смерть и тяготы преследовали людей и животных. Наконец достигли мы этих степей зелёных, и Кий уже заложил град.

Однако, сами видите, для всех места недостаёт. И позвал я вас, сыновья мои, сказать, что надобно разделиться. Поскольку Кий градостроительство начал, пусть здесь останется.

– А мы слышали, что на заходе тоже славянские племена обитают, хотим к ним пойти, – посовещавшись, решили Щек и Хорив.

– А я тогда к северу отойду, дней на пятнадцать пути, там град новый заложу. И пусть каждый будет с родом своим и заботится о людях своих. И здесь, передо мной и богом Велесом, хранителем стад, клянись, что не будет меж вас распрей, не замыслит худое брат на брата, а будете жить в мире и ладу, как это завещано богами и Пращурами!

– Отче Орий! Я – Щек, сын твой, даю в том твёрдую клятву!

– Я, Хорев, жизнью своей и богами великими клянусь!

– Я, Кий, клянусь!..

Юноши принесли клятву на мечях, и всяк стал готовиться к походу. И с тех пор арийцы разделились, – Щек и Хорив отошли к заходу солнца, и увели своих чехов и хорват, и поселились у Карпатских гор. А Кий со своими людьми на Кавказе обосновался, и с ними часть чехов осталась. Отец Орий заложил град на меже голой степи и лесов и назвал его Голунью. А через время Киев и Голунь стали великими княжествами и образовали славянскую державу Руско-лань, которая простиралась от Ра-реки на восходе до Кавказийских гор на полудне и Карпатских гор на заходе.

– И жили славяне в Кавказийских горах пять сотен лет богато и счастливо, – пояснял отец Велесдар, глядя на отражающиеся в водной глади леса и горы, – как и предрекли отцу Орию боги перед исходом из Пенжи – Священного Пятиречья и Семиречья, где раньше обитали Пращуры. Но потом начались войны, пришли римляне в железных колесницах и в броне, напали готы с рогами на челе, притекли безжалостные гунны, и род Кия отошёл к Непре и Нестре. А иные славянские племена ушли аж к Дунаю Синему на заходе и к Волхову-реке на полуночи, и ещё дальше, к Студёному морю.

Мирную картину сменила иная. В утренней дымке, поблёскивая стальными доспехами, двигалось огромное войско. Рослые сильные воины в гребенчатых шлемах с вогнутыми прямоугольными щитами и короткими мечами в единовременном марше сотен тысяч ног, обу-тых в кожаные сандалии, заставляли содрогаться саму землю. Ровными чёткими центуриями, когортами и легионами текли суровые воины тяжёлой пехоты, закованные в железо. За ними частокольными зубьями колыхались копья лёгких пехотинцев с круглыми щитами. Шли лучники, пращники.

Впереди конные разъезды зорко осматривались по сторонам. На прекрасных лошадях гордо восседали военачальники в золочёных доспехах и пурпурных плащах. Они взирали со спокойным высокомерием людей, привыкших властвовать и побеждать. Рядом с военачальниками тенью следовали вышколенные, как псы, оруженосцы, охранники, стремленные, посыльные.

Потом двигались тяжёлая, закованная в железо конница и боевые колесницы, которые в момент атаки превращались в жуткие орудия смерти: ошестинившись острыми стальными лезвиями, они, подобно огромным серпам, резали людей, как стебли соломы.

Шли многочисленные обозы, везущие шатры, припасы, котлы, оружие. Скрипя огромными колёсами, переваливались на ухабах осадные и стенобитные орудия. А замыкали шествие маркитанты на своих пёстрых телегах.

Жуткое ощущение неимоверной силы, помноженной на опыт и боевую выучку, исходило от этого шествия. Всё войско представлялось единым совершенным боевым орудием, и мнилось, что нет на земле силы, могущей противостоять неотвратимой поступи железных рядов, над которыми, мерно покачиваясь на шестах, плыли хищные серебряные орлы.

– Это ромы, – пояснил старик на немой вопрос Святослава, – самые грозные и сильные войска тех времён. Они захватили полмира, дошли до Индии и не испугались даже их боевых слонов. Но Русь одолеть не смогли, – добавил Велесдар.

– Почему? – с изумлением спросил отрок.

– Потому, сынок, что русы ценили свою волю и землю превыше жизни. Страшные то были войны, Святославушка, и длились они не год и не десять лет, а многие сотни, то затухая, то возгораясь вновь. Одна из этих войн, что велась на Карпатах, длилась непрерывно аж сто лет. Люди рождались, старели и умирали, а злая война всё шла. И плакали от неё и русы, и ромы. Ромы не хотели отступать, потому что видели здесь богатые земли, стада и пашни, но больше всего нуждались они в том, без чего не мог существовать Рим...

– В золоте? – предположил Святослав.

– Нет, в людях, которых ромы мечтали видеть своими рабами. Выросшие на воле в купальской чистоте и Перуновой правы, наши мужи всегда отличались силой, храбростью, честностью, умением довольствоваться малым. Жёны пленяли умом, красотой и верностью, рукомысленники – искусной работой. Потому шли ромы на наши земли и гибли здесь, а русы принимали смерть, сражаясь за волю свою, потому что в рабстве жить не могли. Тысячу лет стоял Рим, и тысячу лет воевали с ним наши Пращуры, пока не уразумели враги, что не одолеть им Руси. Жестокой была последняя битва на Дунае Синем у Траяновых валов, и римские орлы были повержены, а их легионеры взяты отрабатывать дань на поля наши. И так они трудились на нас десять лет, а потом были отпущены, потому что русы прежде никогда не брали себе рабов... Но мы с тобой нынче задержались, солнце уже высоко, давно пора за дела приниматься.

Однако после обеда Святослав упросил отца Велесдара ещё хоть немного поглядеть в криницу.

Прежде чем открыть зеркало времён, кудесник некоторое время раздумывал.

– Покажу тебе готов, – решил он. – Потому как после нашествия Германареха пала Русколань, разделившись на Киевскую Русь и Антию...

Снова многие тысячи конских копыт кромсали землю, и прах серой тучей взмывал в небо, закрывая встающее солнце. Неудержимой лавиной текли воинственные готы с устрашающими рогами на головах. Издали казалось, что это несётся стадо разъярённых быков, которое вмиг сметёт любую преграду.

Русская дружина, обнажив мечи, стояла на другой стороне поля, молча и нерушимо, как молодая дубрава.

Стройный юноша-сотник, нетерпеливо перебиравший поводья, готов был каждую минуту пустить коня вскачь, но, видя, что опытные военачальники не торопятся, снова опускал узду.

– Что, Борислав, страшны готские быки, а? – обернулся к нему широкоплечий коренастый воин с седым оселедцем на бритой голове, по всему – главный воевода.

– Что я, быков не видал? – стараясь выглядеть равнодушным, отвечал юноша. – Наши буй-туры пострашней будут, иной раз вчетвером одного быка на торжище вести приходится, а эти вон какие мелкие, мигом рога скрутим!

– Эва куда хватил! – отозвался пожилой воин справа. – наших буй-туров с готами сравнивать! Мы своих быков в чистоте содержим, а эти опрятности не ведают, Купале не молятся. А ещё когда воловьей кожи выделывают, то в коровьей моче их потом выдубляют, от одного духа чувств лишиться можно!

Воины дружно загоготали.

В этот миг стремительно несшаяся вперёд лавина готских всадников неожиданно споткнулась. Передние кони дико заржали, угодив в ямы-ловушки, усеянные на дне остро затёсанными кольями. А прямо из густой травы вдруг выросли увитые зелёными верёвками пырея

русские воины с короткими копьями и ножами-акинаками. Ловко уворачиваясь от конских копыт, они точными ударами разили выпавших из сёдел готов и сами падали под ударами их мечей и топоров. Неудержимый вал смешался, потеряв стремительность напора.

Бориславу показалось, что грозный львиный рык прозвучал прямо над ухом. Стоявший впереди воевода вложил вынутый было меч обратно в ножны. Не сводя очей с приближающихся врагов, он схватил могучими руками ворот своей толстой кожаной рубахи и рванул её так, что она лопнула до пояса, а несколько стальных пластин отлетело далеко в сторону. Глаза его пылали таким яростным огнём, что Бориславу на миг стало жутко.

– Нас воловьими да коровьими рогами пугать?! – взревел он. – Так вот же вам! – Он швырнул наземь обе рубахи – кожаную и белую, что надевалась под испод, схватил у оруженосца ещё один тяжёлый меч и потряс двумя клинками над головой.

– Готов много, а нас мало, но пропустить их дальше нельзя, будем биться с ярью в сердце, братья! – крикнул воевода.

Призыв прокатился по рядам русов. Наполняясь ярью праведной силы, воины рвали на себе рубахи, сбрасывали кольчуги и так, с обнажённой грудью неистово мчались в свою последнюю сечу, чтобы прямо с поля брани отправиться в Ирий, к Перуну.

Зазвенела булатная сталь, захрипели взмыленные кони, закипела жестокая сеча. Впереди русов всё так же неумоимо рубился двумя мечами воин с горящими, как у тигра, очами.

– Кто это? – выдохнул Святослав.

– Это князь Бус и его верные воины, прозванные за силу и бесстрашие буй-турами...

Видение жуткой сечи, где среди рогатого воинства Перуновыми молниями носились буй-тур-русы, стало размываться и исчезать то ли за пеленой поднятой тысячами копыт пыли, то ли за туманом времени.

Наступила тишина, в которой были слышны только стрекот степных кузнечиков да грай воронья. А вдоль дороги стояли высокие деревянные кресты с распятыми на них телами.

Святослав отпрянул в испуге.

– Гляди, княжич, гляди и запоминай на всю жизнь. Это тяжело видеть, но ты должен знать, как страдала земля русская и чем она доселе жива. Это князь Бус и семьдесят его воевод, которых уже мёртвыми распяли готы, озлобленные тем, что ни один буй-тур не попросил пощады, а бился смертным боем, и прежде чем пал сам, положил с десятков лучших готских воинов...

Видя, что юному княжичу тяжело видеть столько смертей и кровавых битв, волхв коснулся водяного зеркала, и всё исчезло, остались только чистая гладь да струйки кипящего песка на дне.

Положив руку на плечо Святослава, старец успокаивающе сжал его.

– Пойдём домой, – сказал он. – Правда, княжич, порой страшна и жестока, – говорил он, уже сидя на колоде перед избушкой, – и платят за неё кровью и людскими жизнями. Бусичи положили свой живот за Правь и ушли в жизнь вечную. А благодаря их стойкости пала лучшая часть готского войска. Русь тем временем успела собрать новые силы и разбить врагов.

– А отчего бусичей распяли на крестах? – спросил Святослав, сглатывая ком в горле.

– Готы к тому времени уже были христианами и хотели устроить русов теми распятиями, да не вышло. Христиане ведь крест блюдут из-за того, что их бога на кресте распяли.

– Как можно распять бога? – изумился Святослав.

– Ну, вроде он сам это дозволил, дабы своими страданиями и кровью смыть грехи людей, очистить их души. Только люди-то всё равно грешат, что же теперь, надо время от времени кого-нибудь распинать? Так и богов не хватит, а люди привыкнут, что кто-то кровью своей будет смывать их недостойные деяния. Нет, мы такому пути не следуем. У нас каждый русич сам должен держать ответ за свои поступки перед богами, отцами-старейшинами и всем Родом, ибо к Сварогу и Пращурам всяк идёт своей тропой, а чужими путями не может следовать...

– Деда Велесдар, – обратился к нему отрок, когда они уже улеглись спать, – скажи, что такое ярая сила, которой владели буй-тур-русы?

– Мудрёный ты задал вопрос, сынок. Как бы ответить, чтоб понял ты своим детским умом... К примеру, каждый воин, который прилежно учится воинскому искусству, овладевает многими силами – быстротой, крепостью мышц, зоркостью глаза, твёрдостью руки. Но это человеческие силы. А есть ещё силы божеские – сила Земли-Матери, огненного Хорса, легкокрылого Стрибога и прежде всего – сила Яро-бога, что даёт земле возможность проснуться весной, разродиться и дать новую жизнь плодам, травам и всякой живности. Мы, славяне, русы, должны следовать по пути Прави. И тому, кто блюдет законы Сварожьи, открываются силы божеские: хлебобобу и пахарю – покровительство Дажьдбога, водителю стад и песеннику – мудрость Велеса, а в воина перетекает сила Яро-бога, и тогда он может делать то, что выше людских пределов.

– А как воин узнает, что ярь в него перетекла? – продолжал любопытствовать Святослав.

– О, он это чувствует сразу! Эта сила переполняет его, из груди вырывается рык, подобный львиному, и воин без страха стремится в гущу сечи, нанося такие удары, против которых не устоит и самый прочный доспех. А сам он становится таким ловким и быстрым, что даже обнажённого его не может догнать и поразить вражеский меч.

– Отчего имя такое у князя – Бус, ведь бусый – это сумрачный, серый, туманный? – спросил отрок.

– Верно, только слово это в старину означало ещё и тайный, волшебный. Также бусами называли лодии, в постройке которых князь Бус толк ведал. И ходил он с дружиной на тех бусах-лодях против греков, и нагнал на них такого страха, что те прятались, едва завидев русские паруса. А в битве с готами, вишь, загинул, – вздохнул кудесник.

После этого несколько ночей снились Святославу распятые русские воеводы и князь Бус, который разрывал на себе кожаную рубаху, так что стальные бляхи со звоном разлетались в стороны, а два острых меча в его руках взвивались Перуновыми молниями над рогатым стадом страшных быков.

Юному княжичу страстно захотелось стать таким, как князь Бус, и овладеть таинственной силой яри.

Несколько дней волхв, щадя впечатлительность отрока, не водил его смотреть прошлое, а напротив, загружал простыми повседневными делами.

– Воинская мазь у нас вся вышла, – сетовал кудесник, – сможешь ли ты, сынок, её сам сделать? А я пока сена для козы накошу...

Святослав брал холщёвую суму и отправлялся за травами. Выискивал по лугам и оврагам жёлтый донник, приятно пахнущий свежим сеном, золотистый зверобой, оранжевые ноготки и белые корзинки деревея. Затем, вернувшись, долго растирал их частями в деревянной ступе с несолёным жиром. Надо было попотеть и постараться, зато мазь вышла на славу, и Велесдар похвалил ученика.

А вскоре волхв снова произносил заговорные слова над чистой криницей, и новые образы прошлого накрепко входили в детское сердце и память.

Живой шевелящейся рекой, подобно несметному числу рыжих муравьёв, текут с восхода беспощадные, не ведающие жалости гунны в кожаных шлемах, вооружённые обоюдоострыми топорами и узкими щитами. Отбирают скот, убивают детей, стариков, женщин. Вот уже вступили на волжские земли, вышли к Дону. И местные племена стали отходить к заходу, не в силах противостоять несметному числу гуннского воинства.

– Вынуждены были уйти и русы, что жили на волжских и донских землях ещё со времён праотца Ория и Кия и являлись их прямыми потомками, часть из которых ушла на заход многие сотни лет назад. Один из донских князей также звался Кием, как и его давний прапра-

дед. И вот сей Кий повёл своих людей к Непре-реке, где давно уже сидели славянские роды из арийцев.

В кринице возник холмистый берег Непры. Высокий муж с бритой головой, длинным чубом и усами, окружённый военачальниками, стоял перед поселением, глядя на его ветхие покосившиеся стены и заросшие осокой рвы, в которых плавали бубыри и громко орали лягвы.

– Видно, беспечно живут здесь люди русские, – заметил Кий спутникам.

– А они больше на густые дубравы полагаются, чем на бревенчатый частокол, – ответил за спиной один из сотников.

– От готов да гуннов в дубраве не отсидишься, – заметил второй.

Из града вышли посыльные.

– Что это за селение, люди добрые? – спросил у них Кий.

– Это Велесград, – отвечивал старший, – а я князь Вуслав.

– Что ж ты, князь, град свой так запустил, или умелых рук не хватает? Так мы помогли бы, ежели примете.

– А вы откуда будете? – в свою очередь спросил Вуслав.

– Мы с Белой Вежи, от гуннов ушли. Текут, как злая саранча. Надобно готовиться к великой войне, объединяться силами. Так что, примете нас?

Поговорив ещё и убедившись, что пришлые люди – добрые умельцы и воины, велесградцы приняли Кия с людьми в свой град. Всех встревожило известие о несметных полчищах новых врагов, потому что тут уже хозяйничали готы, с которыми Русь заключила временный военный союз против Рима.

Закипела работа в Велесграде. Кияне с горожанами стали возводить новые укрепления, углубили рвы, намостили брёвнами улицы, вырыли колодцы на случай осады, возвели сторожевые башни, а на стенах сделали обманные лазы-ловушки, где на качелях подвешивались большие брёвна. В случае проникновения незваных гостей такие качели сметали одним ударом до десятка человек, и те падали в глубокий ров с водой. А за градом Кий выставил сторожевые дозоры, которые бы дымом загодя упреждали о вражеском нападении.

– Видя такое радение, – объяснял дальше кудесник, – велесградцы вскоре избрали Кия своим старшим князем, и Вуславу пришлось уступить место, передав ему свою булаву. И многие другие роды признали Кия своим князем, потому что перед лицом страшного врага поняли люди, что надо объединяться. Так сотворилась Киевская Русь, которая противостояла злой напасти. Потом готы ушли к полуночи, гунны – на заход, а Кий потеснил греков, те запросили мира и стали торговать с Киевщиной.

После гуннов новая беда пришла на нас – злые обры, которых было, как песка морского. А после Кия не стало прежнего единства, и великие смуты раздирали Русь на части. И потому обры убили нашего князя Мужемира и одерживали верх над русами, покуда Волынь не заговорила о единстве всех родов. Собрались старейшины и дали клятву верности, чтобы сражаться до смерти, но Русь освободить. И победили обров. Но Синее море тогда отошло от наших земель – им завладели греки.

И снова меняется видение. Связанные русы бредут унылой цепью, а плети на сей раз хазарских всадников то и дело свищут в воздухе, расписываясь кровавыми знаками на спинах пленников. Русов, как скот, гонят на рынок рабов, где их, как и тысячу лет назад, перекупают византийцы либо волохи и навсегда увезут в свои земли.

– Такие страшные унижения русам приходилось терпеть разве что во времена вавилонского рабства у Набсура, – тяжело вздохнул Велесдар. – Но тогда русы во время землетрясения убежали на родину. А теперь сама наша отчизина под хазарами. Уже триста лет те хазары владеют нами. Правда, последние сто лет Киев благодаря стараниям деда твоего, Олега Вещего, и отца Игоря, избавился от ига хазарского, но многие русские земли до сих пор под ними и платят дань. Могуч ещё Каганат, да и в дружбе он с хитрой Визанщиной. Греки, они ведь племя –

себе на уме. Более тысячи лет мы с ними воюем, миримся и ведём торг. Пращуры называли их хитрыми лисами за велеречивость, коварство и ложь. Сами ромы, когда подчинили греков, не ведали, что тихо и незаметно, где золотом, где посулами, лестью или другой хитростью, на которую они весьма горазды, скоро покорённые превратятся в правителей и будут владеть не только над своей Грецией, но и над всей восточной частью огромной Римской империи, которая теперь называется Византией.

Так и с Русью. Воевать с нами на равных они могли, только когда в пять-десять раз превосходили силой. Их воины обабились, изнежились, потому греки предпочитали заключать с нашими князьями мир и платить дань. Но всегда искали у Руси слабину, чтобы в момент войн или междоусобиц нарушить договор и ударить в слабое место.

Когда Русь обосновалась на берегах Русского и Синего морей, то возвела там чудные грады, какие не построить грекам, – Сурож, Хорсунь и иные, посвящённые богам Солнца. Тогда греки стали приходить на торжища наши, строить свои дома для торговли и обмена, посылать своих юношей, и было так четыреста лет. А потом вдруг русы увидели, что повсюду ходят не купцы греческие, а воины их с мечами и в броне. Греки незаметно всё прибрали к своим рукам и стали хозяйничать, а славяне – на них работать. И пришлось пращурам проливать свою кровь, чтоб грады те вернуть обратно Руси. А нынче опять они в руках врагов наших, и святыни древние валяются, затоптанные в прах, и земля та огречилась...

Те же хазары не без помощи византийцев на наших землях сидят. Их стратигосы обучают хазарских воевод, как с нами лучше сражаться, как хитростью и обманом действовать, чтоб своей цели добиться. Гляди, гляди пристальней, княжич! Это – Волхов-река, и вдоль неё идёт дед твой Рурик с варягами-русь. Рядом братья его Синеус и Трувор. То идут они по зову их деда князя Гостомысла и народов земли Новгородско-Словенской: словен, русов, кривичей, чуди, веси, мери и прочих. А там, видишь, течёт русская дружина на битву с хазарами, разворачивается крыльями и бросается на врага, а впереди – статный витязь на белом коне? Это дед твой, князь Рарог-Рурик за русскую землю сражается. А вон в лодье двоюродный дед Олег Вещий ведёт воев своих на Царьград. А там греки несут дань отцу твоему Игорю, видишь, у него такой же осередец на голове, как и у тебя, и на щите знак сокола, ибо род ваш происходит из варяжского племени рарожичей...

– А варяги откуда произошли? – спросил Святослав, вспомнив про дядьку Свенельда, кормильца Асмуда, охоронца Фарлафа и многих других воинов.

– Когда-то, после Исхода из священного Семиречья, наши Пращуры разделились. Потомки отца Ория, племена словен, русов, сербов, чехов и хорват, пошли на полдень и заход солнца – к Непре, Нестре, Русскому морю и Дунаю, к Карпатским горам. А племена вендов захотели унести своих богов к западно-полуночному морю и осели на его берегах, а также по рекам Лабе и Одре, и стали полабами и ободритами. И другие славяно-русы, что называются ваграми, лютичами и поморами. А также ругами, живущими на острове Рюген или Руян, со столицей Аркона. Там находится главное святилище – храм Световида, куда со всех окрестных земель стекаются богатые дары. Моравы – отменные мореплаватели, храбрые и умелые воины, отсюда и их название «варяги» от древнего «вагара», что значит «отважный, удалой». Они занимаются как торговлей, так и военными походами. Многие народы с охотой нанимают их на службу. Ромеи, к примеру, издавна приглашают их в своё войско, как союзников, называя «верингами». Пребывая в окружении свеев, данов, норвегов, поморам всё время приходится сражаться, оттого что нурманы сии вкупе с саксами и франками норовят Варяжскую Русь захватить и в чужинскую веру окрестить. Однако она храбро отстаивает свои земли, верование и своих богов. Ты, верно, знаешь, что само имя Рурик или Ререк происходит от Рарог, что означает «сокол». Это племенной знак славян-ободритов, где Сокол есть воплощение Духа Рода Всевышнего. Я тоже родом из полабов, но волей Великого Световида оказался в Новгороде, где лицезрел твоего достойнейшего деда перед самой его смертью. Потом вместе с Ольгом

Вещим пришёл в Киев и при отце твоём волховские службы творил. Сам Радогощ велел Руси Киевской вести с Русью Варяжской совместные боговедческие, торговые, военные и прочие дела, потому как корни у нас одни. Так что в твоих жилах, Святослав, течёт кровь умеющих постоять за себя ободритов-вагров, и это хорошо, поскольку храбрость и смелость рарожичей непременно нужны киевскому князю в сии непростые времена...

И опять в кринице разгорелась кровавая сеча. Свистели стрелы, храпели, кося обезумевшими очами, кони, сшибались в смертельных поединках воины, а впереди вновь скакал молодой витязь на белом коне.

– Тот витязь – ты еси, князь Святослав! – промолвил старик и, наклонившись, вдруг замутил воду в кринице.

– Что ты, я дальше видеть хочу! – обиделся малец.

– Нельзя дальше смотреть. Дажьбог не позволяет зреть грядущее, и в том – великая премудрость, за которую мы его восхваляем. Вот и всё пока, сынок. Давай поблагодарим Криницу, Числобога и Купало за то, что дали нам увидеть прошлое!

Отец Велесдар, а за ним и Святослав сорвали несколько росших неподалеку цветков и бережно опустили на чистое зеркало живой воды.

– Многое из увиденного тебе ещё непонятно, – говорил кудесник, когда они возвращались к избушке. – Но теперь оно всегда будет жить в твоём сердце, и по мере созревания ума ты сможешь оценивать всё по-иному...

– Жалко, что видения кончились, – вздохнул Святослав, – они были страсть как интересными...

– О, ты прикоснулся только к самой малости! Впереди ещё столько непознанного, что не хватит и целой жизни, а нам с тобой лишь один годок выделен. Так что давай дальше трудиться! Принеси-ка нож, – велел кудесник, – я покажу тебе, как вырезать деревянную ложицу...

Глава пятая

Колядские святки

Крепкие кони играючи несли княжеские сани сквозь снежную круговерть, вздымая копытами облачка морозной пыли.

Неисчислимые рати снежинок стремились к земле; принаряженные белым убранством дубы и берёзы выглядели не менее красиво, чем роскошные сосны и ели. Метель, бушевавшая несколько дней, наконец, поутихла, и Ольга решила навеститься в загородный терем, а заодно и прокатиться по свежему воздуху. Справившись с делами, она возвращалась в Киев.

Верховые гридни, сопровождавшие княгиню, молодецкими посвистами и гиканьем подзадоривали лошадей, гарцевали, стремясь показать свою удаль, и просто радовались погожему морозному дню и наступающим Колядским святкам.

Невесёлые думы Ольги понемногу развеивались. На неё, родившуюся и выросшую в Плесковских местах, эта белая морозная круговерть тоже оказывала воздействие, подобно колдовским чарам. Казалось, ещё немного сумасшедшего полёта сквозь волшебство белой пелены – и она очутится в памятном с детства краю бесчисленных озёр, плёсов, чистых рек и могучих дубовых лесов, в своей маленькой веси Выбутово, где она именовалась ещё не Ольгой, а Прекрасой, споро управлялась со всякой работой, а перед праздниками, напарившись в бане, с визгом удовольствия вместе с другими девушками ныряла в ледяную воду. А однажды по весне, когда пробудилась природа и вешние запахи дурманили голову, лишая по ночам сна и наполняя непонятным томлением крепкую девичью грудь, в Выбутово приехал новгородский купец, давний знакомец отца. Они вдвоём долго о чём-то толковали в горнице, а когда она по просьбе отца принесла свежего берёзового сока, то почувствовала на себе пристальный, будто оценивающий взгляд дальнего родича. Приученная не задавать лишних вопросов, Прекраса ждала, всякий раз внутренне замирая, что родитель вот-вот сообщит ей или матери о причине приезда гостя. Но ни в тот день, ни после отец так и не проронил ни слова. Случай сей уже почти выветрился из девичьей памяти, когда в один из осенних дней в их крохотный посёлок пожаловали неожиданные гости – пять или шесть незнакомцев в богатой одежде, на дорогих конях, а с ними около трёх десятков вооружённых воинов. Отряд достиг веси уже в темноте. По деревянному настилу двора застучали лошадиные копыта, послышались голоса, началась, как обычно в таких случаях, суета. Несколько человек остановились на ночлег в их доме. Одним из них был тот самый купец-родич, а среди трёх других девушка сразу отметила кряжистого мужа лет тридцати. По всему было видно, что он самый главный в этом отряде. От незнакомца исходили сила и уверенность, говорил он мало и негромко, но всякое указание его исполнялось тут же. Женским чутьём Прекраса угадала в нём настоящего воина, смелого и решительного. У такого слово и меч друг от друга неотделимы. Воспитанная на представлении, что именно таким и должен быть настоящий муж, Прекраса чувствовала приятное волнение, когда приносила еду и питьё гостям. Когда же незнакомец окинул взором её ладный, источающий девичью силу стан, то она с в ответ полоснула его своим особенным взглядом, который разит прямо в сердце, не разбирая, хорошо ли владеет мечом супротивник и есть ли на нём кольчуга и латы.

Потру, когда гости спустились к берегу, чтобы подле Выбутовских порогов переправиться на другую сторону реки, и Прекраса, как обычно, принялась помогать отцу, незнакомец вновь оказался подле. Он некоторое время молча наблюдал за сноровистыми точными движениями девушки, а потом, улучив момент, спросил:

– Скажи, девица, а где ты так наловчилась взглядом, что стрелой на лету бить?

– Тот взгляд рождается в ответ на настоящую силу, что исходит от мужа храброго. А коли нет силы, то нет и взгляда, – ответила, чуть смутившись и зардевшись от внимания, Прекраса. Про то, кто этот незнакомец, она не ведала, сколько ни пыталась отца. Тот только прятал

улыбку в бороду, а иногда и серчал. Прошла холодная зима, за цветистой весною запело, застрекотало кузнечиками в травах лето душистое, прибавилось забот по хозяйству, и робкие девичьи надежды той нечаянной встречи потихоньку таяли, как дни после Купалы. Вот уж и лето потянулось к закату журавлиным клином, опять закружились в прозрачном воздухе жёлтые листья, посланцы осени. И лишь когда сам князь Руси Ольг, отправившись в полюдье, вдруг приехал в Выбутово, Прекраса узнала, что её сватают за Ингарда Руриковича. Когда уже отец с князем сладили дело и отец объявил ей своё решение, девушка вначале оробела, она растерянно воскликнула, обращаясь не то к отцу, не то к князю:

– Как я, простолюдинка, могу стать княгиней?

Но Ольг был настойчив. Он сказал:

– Ингард настоящий воин, храбр и умен, я обучил его всему, что нужно знать и уметь князю. Но ему нужна серьёзная умная жена, а мне – крепкие здоровые внуки. Никто никогда не вспомнит, что ты простолюдинка. Я введу тебя к племяннику как жену своего рода и отныне нарекаю тебя Ольгой!

Прекрасе понравился могучий старец, его спокойная сила и неколебимая мощь в словах и движениях. Понравилась и его речь. Она дала согласие стать женой Игоря – княгиней Ольгой.

Как давно это было! Порой берёт сомнение, а было ли вообще?

Когда-то она не боялась северных холодов, и выбутовская жизнь казалась простой и счастливой. А теперь и в шумном Киеве порой уныло, и от морозов – зябко. Ольга поёжилась под собольей шубой, пошевелила пальцами ног в лосиных сапожках, накрытых медвежьим пологом, вновь тяжко вздохнула.

Когда она была в Выбутове последний раз? Семь лет тому, после похода на древлян, когда, наводя порядок в русских землях, она устанавливала специальные места-погосты для сбора оброка и дани. Отправившись в полюдье на Новгородчину, Ольга заехала по пути и в родные места. Они показались ей такими красивыми, что по возвращении в Киев княгиня велела послать в свою землю множество серебра и золота на учреждение Плескова – нового северного града среди дубрав в устье реки Великой, и в знак расположения подарила плесковцам свои княжеские сани.

Между тем кони уже мчались по широкому берегу Непры, приближаясь к Киеву. На льду небольшого залива, там, где река хорошо промёрзла, чернели толпы людей – то были мужчины и юноши, которые, разделившись на две части, выстроились друг против друга, готовясь к кулачному бою «стенка на стенку». На высоком берегу кучками стояли девушки, старики и подростки. Оживлённо переговариваясь, зрители ждали начала схватки.

– А что, Кандыба, – подзадорил один гридень другого, простодушный на вид здоровяк с круглым лицом и стриженными «горшком» волосами, так что соболья шапка казалась ему мала и чудом не слетала с макушки, – не худо бы сейчас силой помериться, или боишься?

– Боюсь? – фыркнул второй – высокий, с длинными до плеч волосами и прямым острым носом. – Сам знаешь, Славомир, кулак у меня добрый, – он сжал пальцы и потряс десницей, – только там простой люд собирается, а нам не по чину. Напротив, такие побоища княгиней разгонять велено... – Он покосился на сани. Ольга делала вид, что смотрела в другую сторону. Не хотелось ей сейчас посылать дружинников разгонять народ. Пущай, ежели охота, перебьют друг дружку! Ох, как непросто переломать мужицкие обычаи, привести к порядку и послушанию...

– Оно так, – вполголоса отвечал Славомир. – Однако я в прошлые Колядские святки не утерпел, оделся по-мужицки – и в драку! Там, скажу тебе, молодцы отменные попадают. Один как ухватил за руку, едва напроць не оторвал, а я тогда с размаху – да в образ ему, скулу разбил, а он мне нос расквасил – потеха!..

Проехав место ледового побоища, возница едва успел осадить лошадей: с горы прямо перед ними пронеслись друг за дружкой двое больших расписных саней, полные хохочущих и покрасневшихся девчат и облепленные со всех сторон молодыми хлопцами и подлетками.

Кандыба с завистью проводил их взором.

– По мне лучше не кулачное побоище, а с такими красными девками прокатиться! – воскликнул он.

Миновав киевские врата, сани уже неторопливо двинулись по улицам, потому что вокруг было полно гуляющих празднично разодетых людей. Завидев сани княгини, они радостно кричали Ольге «Слава!», а мужчины кидали вверх шапки.

На Судной площади нынче не велось никаких судов и разбирательств, а стояла вылепленная из снега большая Зима с очами из древесных угольков, носом из морковки и червонными устами из бурячка. В руке Зима держала просяной веник. В других местах тоже делали Зимы, но здесь она была самая внушительная, и вокруг собралось и веселилось много народу. Под ноги Зиме-боярыне сыпали злаки, чтоб она дала хороший урожай. Кто-то из охотников положил шкурку зайца, желая иметь удачную охоту. И уже по дворам и землянкам пошли первые толпы колядовщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.